

БИТВА ЗА БУДУЩЕЕ

СОВРЕМЕННАЯ КНИГА ПЕРЕМЕН*

Доклад Александра Неклессы, заместителя генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, руководителя московского интеллектуального клуба «Красная площадь»

Уважаемые коллеги,

сегодня критическую роль играет не только совершенство процедур, но и человеческие качества, не одна лишь энергия новых идей, но также наличие полифоничного субъекта – «национальной корпорации», кровно заинтересованной в совокупном обустройстве («капитализации») страны. И, конечно, имеет значение крепость «старых» моральных принципов, сила и богатства духа, ценности цивилизации. И еще, обладание непростыми картами эпохи, на которых вычерчена не только топография мира, фактически, уже канувшего в Лету, и даже не текущая, опознанная и формализованная реальность, но тот зыбкий, с трудом уловимый, мерцающий ландшафт за горизонтом, который на привычных диалектах называют будущим.

Что приходится пересматривать и осмысливать политикам и генералам, отвергать либо принимать экономистам и ученым, чем необходимо обладать или жертвовать, в конце концов, всем нам – людям, живущим в несовершенном и стремительно меняющемся мире? Уже не первый год мы обитаем в условиях интенсивного транзита, как в национальном, так и транснациональном измерении. Можно сказать, транзит – это наше «родовое гнездо»: Россия, скорее, *фронтирная*, нежели *евразийская* территория. Да и кризис культуры

* © 2007, Александр Неклесса

Большого Модерна назревал не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком инициативного поиска нового миропорядка.

Прописи социально-идеологических проектов века – коммунизма, фашизма (корпоративизма), нацизма, социальной демократии, неолиберализма – сменив конкуренцию конфессий, религиозных ересей и прочие конфликты былых столетий, по мере своего воплощения слишком часто проявляли ту или иную степень однобокости, порока, ущербности, порою быстро преображаясь из утопий в антиутопии.

Прикладная же политология привыкла рассуждать, приспособившись к логике административных структур, реагирующих, главным образом, на текущие угрозы, используя окна возможностей *post factum*. В наши дни, однако, на «рынке идей» стали котироваться умножающиеся версии методологии, способной опознавать новизну, различая при этом подлинность или эфемерность девиаций социального текста. А жизненно востребованной оказывается логика действий, основанная на принципе преадаптации, которая апробирована и применяется сегодня преимущественно в среде венчурных предприятий.

I. ПРИШЕСТВИЕ ПОСТСОВРЕМЕННОГО МИРА

...ощущение возможной реальности
следует ставить выше ощущения реальных возможностей.

Роберт Музиль

1.

В основе глобального транзита, переживаемого миром, лежат глубокие, не вполне познанные и различным образом отрефлексированные причины.

Движение истории – смена социальных ситуаций, параметров жизнеустройства; процесс, возможно имеющий определенное целеполагание: расширение пространства человеческой свободы. И одновременно – изменение числа обитателей планеты, рост количества взаимосвязей и коммуникаций между ними, стремительное усложнение социального текста, формирование все более комплексных и все более гибких антропологических организованностей.

Обсуждая такие категории, как история, цивилизация или культура, следует, пожалуй, оговорить специфику социального и гуманитарного дискурса,

дабы избежать распространившегося в данной сфере сциентистского и квазисциентистского подходов.

Особенность предмета социальных/гуманитарных дисциплин, в отличие от оснований естественных наук, зиждется на подвижной реальности человеческого универсума, на различных – порою весьма различных – культурных, ценностных, мировоззренческих и иных основаниях. Не случайно, при использовании категориального аппарата данных дисциплин, мы столь часто ссылаемся на авторитеты, проясняя смысл, вкладываемый в тот или иной термин, в то или иное понятие – действие, в общем-то, избыточное, скажем, в физике. И пока этой «темной воды» не касаться, особого конфликта не возникает. Но в условиях интенсивно развивающейся, переходной ситуации, когда прежний категориальный аппарат трещит по швам, когда возникает необходимость определять предельные значения тех или иных понятий, приходится не просто касаться этих вод, а прямо-таки нырять в них. И тут возникают серьезные разночтения.

Следующее рассуждение также строится на неких постулатах.

Судьбоносный поворот истории – переход от традиционных политеистических систем к монотеизму, высшим выражением которого стало христианское мировоззрение, обосновавшее уникальные горизонты человеческой личности, породив богатство современной цивилизации. Данное мировоззрение прописало себя в историческом тексте несколькими культурными версиями, из коих доминирующей на планете стала протестантская, на основе которой, в сущности, был сформирован современный мир (*Modernity*) и его североатлантический центр.

XX век ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей заметно иную версию прочтения цивилизационного текста (*Post Modern World*). Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения – придающего особое значение свободе выбора – создала со временем культурную оболочку глобальных пропорций, вместившую в себя не только Ойкумену, но и разноликий планетарный Варваристан, прямо и косвенно способствуя расцвету мультикультурности, возрождению религиозных и культурных кодов. Обустроив, таким образом, пространство открытой конкуренции мировоззренческих систем.

Новый век характеризуется как полнотой географической (коммуникационной) просторности – выразившейся в *глобализации*, так и высвобождением активной личности, антропоструктур из-под суверенитета социоструктур, выражением чего стала *индивидуация* – предельное состояние земной человеческой свободы.

В результате активного представления будущего, на планете параллельно административно-политической, национально-государственной проекции человеческого сообщества (и прежней, упрощенной системе координат Восток-Запад), выстраивается трансграничная конструкция глобального масштаба – динамичная среда Нового мира.

2.

В многолюдной, многоэтажной вселенной складывается новый формат социального акта. Одновременно рождается инновационная методология познания и действия, основанная на восприятии космоса людей как бурлящей, турбулентной реальности.

Реформация статуса человечества связана не только с широко обсуждаемыми процессами глобализации. Мы вступаем в мир, в котором обитает множество субъектов действия, освобожденных технологической цивилизацией от ряда земных обременений. А усложнение карт социокосмоса чем-то напоминает пересмотр картины мира физического, совершившийся в начале прошлого столетия и отмеченный рождением теории относительности, квантовой физики, гипотезы расширяющейся вселенной... Антропологическая галактика сегодня также перестает рассматриваться как расчерченная на клеточки шахматная доска, где одна мозаика порядка механистически сменяет другую. Все большее признание завоевывает заметно отличный взгляд на глобальное сообщество – как на *новый мировой беспорядок*: субстанцию многомерную, чрезвычайно подвижную, продуцирующую непривычные миры и конструкции.

В чем, собственно говоря, суть современной (*contemporary*) цивилизационной ситуации? Ее основа, повторюсь, масштабная социокультурная революция, которую не одно десятилетие переживает мир. В проявленной форме протекает она лет сорок, а в каком-то смысле весь XX век был столетием цивилизационного транзита. Но хотя в человеческом сообществе возникает и распространяется феноменология (пост)современного (*post-modern*) генезиса, однако же, и реалии эпохи Модернити сопричастны на исторической сцене.

Драматичные перемены последних десятилетий, судя по всему, обозначили конец прежней, более-менее стационарной, «горизонтальной» модели социального порядка. Историческое поражение коммунизма, позволившее в 90-е годы говорить о благостном «конце истории» (к этому сюжету мы еще вернемся) как торжестве либеральных идей и институтов демократии, сменилось на наших глазах тревожным мироощущением, отразившемся в ироничном (с точки зрения самой истории) переосмыслении популярного тезиса. А крах СССР, знаменуя конец биполярного мироустройства, одновременно явился точкой отсчета цивилизационного транзита, перехода глобализирующегося сообщества в динамичное и нестабильное состояние (симптом возможной «хаотизации организации»).

Преображается структура международных связей, номенклатура субъектов, под сомнением оказывается, фактически, вся классическая, «вестфальская» система международных отношений.

Призраки и тени новой среды: мутация институтов, оставленных в наследство эпохой Просвещения; более свободное управление рисками, повышающее ставки в глобальной игре; форсаж и одновременно

«развязывание» политического мироустройства; распространение неолиберальной матрицы практики; разрастание метастаз глобального андеграунда, – все это формирует заметно иной образ генеральной конструкции (или ее отсутствия), нежели предсказания не столь уж, надо сказать, отдаленного прошлого. Двигаясь по кромке миропорядка, человечество все чаще ощущает хрупкость ситуации, многочисленные резонансы возникающего разнообразия, предчувствуя возможность радикальных перемен: своеобразного Большого Взрыва, способного породить как новую конфигурацию окружающей нас реальности, так и расколоть планету людей, произведя поколение астероидных организованностей – разнородных манифестаций мирового беспорядка.

Возникает гротескный образ *диффузного мира*, в котором конфессии размываются сектами, толками, тайными орденами, политика замещается операциями спецслужб, политтехнологов, командос, экономика – финансовыми производством и его производными, а культура: индустрией грез, душевного комфорта, иллюзий.

(Пост)современная революция и контрреволюция – духи постиндустриализма и неоархаизации «в одном флаконе» – могут иметь различные обличья. Они проявляются в смешении культур и мировоззренческих позиций; генезисе гибких, влиятельных структур, объединенных формальными и неформальными контрактами; драматичных метаморфозах Нового Севера и альтернативной экспансии Глубокого Юга... Триггером критических изменений в человеческом общежитии может стать, к примеру, террористическая операция с применением средств массового поражения, либо ответный удар цивилизации с использованием аналогичных устройств, или глобальная пандемия, либо серьезный сбой финансовой системы. Мы наблюдаем генезис сложного общества, органично включающего в себя элементы хаоса, но вряд ли можем предъявить сколь либо устойчивый и долгосрочный прогноз развития.

В прихожей XXI века спектр прочтений путей мира необычайно широк, и можно разглядеть перспективы, ранее неведомые историческому взору.

Так, к примеру, террористическая активность, индивидуальный акт деструкции, судя по всему, становится устойчивой чертой нового миропорядка, будучи порою извращенным проявлением тех же тенденций цивилизации к преодолению авторитаризма и стремления к соборной свободе, что лежат в основе феномена гражданского общества. Это своего рода обугленный остов обостренной гражданской инициативы в тотально недоброжелательной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная социальным инстинктом, сама отчуждает мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело здесь, таким образом, не в полной смене цивилизационного кода, а в изменившихся обстоятельствах прочтения социального текста, а также в технически обоснованных возможностях реализации внутреннего выбора. Но вместе с тем, это иной модус цивилизации, лишенной определенных нравственных границ.

Естественно, что в условиях транзита предпринимаются энергичные попытки осмысления открывшихся горизонтов, разрабатываются методы управления меняющимся миром и планирования стержневых событий.

3.

Обнаруживаемые на протяжении прошлого столетия перспективы и глубины, стимулировали развитие общественных наук, инициировав многочисленные и разнообразные исследования.

В фокусе внимания оказывается не только трансформация властных механизмов или перемены в номенклатуре международных отношений, но и мутации социального менталитета, возникновение общественных популяций, их семантика, иерархия. Нас интересует не только прогноз общественной динамики во все усложняющемся мире, не только траектория жизни на грани турбулентности под зонтиком того или иного «глобального полицейского», не только качество предельных состояний общества, но также смыслы, образы, ценности нового бытия, методология познания и действия в условиях жизни на краю хаоса. Как, кому, с какой целью приходится действовать в ситуации перманентного стресса, нарастания конкуренции, выхода на поверхность новых средств господства при усилении неопределенности в динамичном, нелинейном мире с явно изменившейся скоростью социального времени?

Однако не одна лишь инновационная методология практического акта фокусируется треснувшим циферблатом Нового времени. Востребованной оказалась культурно-метафизическая платформа, мыслительная и мировоззренческая позиция, способная противопоставить себя инволюционным векторам цивилизационного кризиса, чувству интеллектуальной растерянности, культурной эклектике и моральному синкретизму. Позиция, способная превозмочь несовершенства прежней ментальной матрицы, начертать собственный интеллектуальный горизонт и социальную *high frontier*.

Не удивительно, что стремительно растет число исследований, в которых с различных позиций анализируется переходное, отчасти парадоксальное состояние цивилизации, толкуются изменения в антропологической вселенной.

Начало современного этапа дискуссий, в немалой степени подкрепленных энергией информационного взрыва, можно, вероятно, отнести к середине прошлого столетия. В мире, очнувшись от шока Второй мировой войны и вовлеченном в круговерть перемен, практически одновременно возникает разговор об *окончании периода Нового времени* (Р. Гвардини, 1954¹), начинается фундаментальная переоценка мироустройства – в виде концепции *социального постмодерна* (П. Дракер, 1957, а ранее, фактически, инициированная А. Тойнби, 1939, 1947²), разворачиваются дебаты о выходе на

политическую арену аналога исторического «третьего сословия» – «*третьего мира*» (А. Сови, 1952³). После Бандунгской конференции понимание «третьего мира» заметно обновляется, и он воспринимается как своего рода «третья сила» на планете (Ж. Баландье, 1955).

Кристаллизуются концепты, связанные с осмыслением реальности, меняются язык, семантика анализа и прогноза. Возникает деполитизированная модель *индустриального общества* (Ж. Фурастье, Р. Арон, У. Росту⁴) или *посткапиталистического* (Р. Дарендорф, 1959), обосновывающая как догоняющую стратегию развития, *модернизацию*⁵ для стран Третьего мира, так и схемы *конвергенции* для индустриально развитых государств (П. Сорокин, Я. Тинберген, Х. Шельский, О. Флейтхейм, А. Сахаров). Появляется формула *нового индустриального общества* (Дж. Гелбрайт, 1967⁶). Наконец, вводится в обиход оказавшийся крайне перспективным тезис о грядущем *постиндустриальном обществе* (Д. Рисмен, 1958, Д. Белл, 1967⁷). Все эти мелодии и напевы активно аранжируются, развиваются в последующие десятилетия.

На судьбоносном рубеже 60-70-х годов преимущество получают идеи и построения, оценившие историческую перспективу как провозвестие *постиндустриального мира* (Д. Белл, 1973, А. Турен, 1969⁸), перерастающие в параллельные модели *информационного общества* (М. Маклюен, Е. Масуда, Дж. Несбит⁹) или *общества услуг* (Ж. Фурастье, А. Кинг и Б. Шнайдер). Развивается оценка ситуации в категориях *постмодерна* (А. Этциони, 1968 и К. Райт Милс, 1970, Ж. Бодрийар, 1970, Ф. Лиотар и др.¹⁰). Теория модернизации эволюционирует в направлении концепции *зависимого развития*, порождая понятие *периферийного капитализма* (Р. Пребиш, Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос). Формируется *мир-системный* подход к анализу развития мира (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, 1974¹¹). Ведутся дискуссии о *дальних горизонтах цивилизации*, о необходимости кардинальной *смены стратегий развития* как индустриального, так и Третьего мира, о *глобальных проблемах*, стоящих перед человечеством, о *многополярной структуре* политического космоса, о введении в мировую политику принципов *экологической безопасности*, *нового международного экономического порядка*, *Real-politik*, а затем – несмотря на Вьетнам и Чехословакию – *разрядки*. Тогда же возникает разговор о пересмотре всей конструкции мироустройства, впервые отчетливо прозвучавший, пожалуй, на IV Генеральной Ассамблее Всемирного Совета Церквей (Швеция, 1967).

4.

Момент истины XX века, по-видимому, 1968–1973 годы (или как вариант десятилетие 1965-1975 гг.) – эпицентр социокультурной революции, обозначившей рубеж перерождения, угасания протестантского мира и

одновременно выхода на поверхность, социальной реабилитации его подспудных течений.

Нижняя граница периода была охарактеризована как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (З. Бжезинский), «великий перелом» (Р. Диес-Хохлайтнер), «мировая революция» (И. Валлерстайн). В то время, в условиях «позолоченного века» – материального изобилия цивилизации, раскрепощения человека от многих тягот природных и социальных ограничений – в мировом сообществе, как на Востоке, так и на Западе, происходят системные изменения.

Збигнев Бжезинский одним из первых формулирует тезис о стратегической цели, к которой должен стремиться Запад: создание *системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов*.¹² Социальные и политические ориентиры, очерченные в работе «Между двумя эпохами»:

(а) замена демократии господством элиты¹³;

(б) формирование наднациональной власти, но не на путях объединения наций в единое сверхгосударство, а как итог сплочения ведущих индустриально развитых стран;

(в) создание элитарного клуба ведущих государств мира¹⁴.

И в процессе реализации этих мер предполагается, в частности, создание основы для:

(г) «*чего-то, граничащего с глобальной налоговой системой*»¹⁵.

Социальная динамика, а также опыт работы над масштабными проектами (в частности, военными и космическими) предопределили попытку сформулировать «*принципы мирового планирования с позиций общей теории систем*» (Э. Янч)¹⁶ и организовать основы *мониторинга будущего*, поиска «*путей понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром*» (А. Печчеи)¹⁷.

В середине 60-х годов происходят многочисленные подвижки в мировой структуре: СССР пытается обновить свой курс в политике как внутренней («экономическая реформа»), так и внешней («доктрина Брежнева» наряду с движением к *détente*'у). Де Голь публично прокламирует новый образ Европы, и Франция выходит из военной организации НАТО. ОЭСР активно разрабатывает и пытается освоить методологию нормативного прогнозирования. В Китае смена номенклатуры принимает облик «культурной революции». Третий мир основывает «движение неприсоединения», усиливаясь за счет бурного процесса деколонизации и т.д.

Перемены происходят и в Соединенных Штатах, их активное обсуждение ведется в ряде элитных организаций, в том числе в Совете по международным отношениям (CFR). Так, в конце 1966 года, в ситуации нарастания кризиса: бомбардировок Северного Вьетнама, разногласий с европейскими союзниками (прежде всего Францией), наметившихся валютных

неурядиц – президент США Линдон Джонсон выступает с заявлением, говоря, в том числе, о необходимости *«поскорее наладить связи между Западом и Востоком»*. Уже в декабре того же года согласовывается базовая формула многостороннего Договора о нераспространении ядерного оружия (негласные переговоры начались еще годом ранее, вскоре после снятия в СССР Хрущева, а осмысление ситуации не прекращалось после Карибского кризиса). Сам же договор подписывается 1 июля 1968 года.

Речь, таким образом, шла о конструкции социального транзита, оснащенного соответствующей арматурой, т.е. *моста в будущее*. В разговоре с одним из активных участников проекта Макджорджем Банди (на тот момент главой Фонда Форда, а с 1961 до начала 1966 года помощника по национальной безопасности) Линдон Джонсон сформулировал позицию приблизительно следующим образом: *«я хочу, чтобы Вы поехали и построили мне мост на Восток»*.

В конце 1966 года на основе Совета национальной безопасности США создается рабочая группа (во главе с сотрудником Совета Френсисом Бейтором) по осмыслению и реализации этого долгосрочного проекта. Совет по международным отношениям и Белый дом иницируют с декабря по май 1967 года серию дискуссий и консультаций по новой дальней границе американской и мировой истории, к которым привлекается, в числе других, будущий создатель Римского клуба Аурелио Печчеи (участвовавший в обсуждениях, проходивших, в частности, в Белом доме и Госдепартаменте). Весной 1967 года Макджордж Банди направляется в поездку по ведущим западноевропейским странам (Великобритании, Франции, Германии, Италии) и СССР с соответствующей миссией строительства *«моста на Восток»* и анализа *«способности развитых стран по организации интеллектуальных усилий, направленных на исследование возможностей решения крупномасштабных проблем»*.

Уже летом того же года (23-25 июня, «Холлибуш», Гласборо, Нью-Джерси) происходит встреча американского президента и советского премьера Алексея Косыгина (впоследствии также несколько раз встречавшегося и с вице-президентом Хьюбертом Хэмфри).¹⁸ Вторая встреча президента США с премьером Косыгиным, намеченная на конец лета 1968 года, однако, так и не состоялась по понятным причинам.

Развитие событий идет как по линии государственных контактов, приведших в итоге к реализации *политики детанта* (официальное объявление о намерении начать переговоры *«об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений и систем противоракетной обороны»* было сделано СССР в июле 1968; начало переговоров в Хельсинки произошло в ноябре 1969 года). Равно как и создания многоступенчатой *системы межправительственных и неправительственных организаций*, занятых поиском новой формулы обсуждения и решения *«общих проблем»* и мироустройства в целом.¹⁹ Также в русле соответствующей с инициативы президента обсуждаются (по словам Макджорджа Банди): *«возможности*

основания международного центра исследования проблем, общих для развитых стран» и разработки «новых методов управления», нужду в которых испытывают «как Запад, так и Восток». И еще – создание транснационального «центра обучения».

Пространство мировой проблематики легализуется и кодифицируется в контексте *глобальных проблем человечества*. Под эгидой данного тезиса инициируется появление ряда интеллектуальных центров и международных неправительственных организаций, среди которых, спустя некоторое время, привлекает внимание *Римский клуб*.

Смоделированный еще в апреле 1968 года (после провала попытки организовать трансдисциплинарное интеллектуальное сообщество в Академии Деи Линчеи и накануне майских событий в Париже) – во многом благодаря подвижническим усилиям Аурелио Печчеи и Александра Кинга Римский клуб приобрел мировую известность, хотя и начал публичный отсчет своей истории несколько позднее. А именно после выхода в марте 1972 года Первого доклада клубу – знаменитых «*Пределов роста*», разошедшихся по миру без преувеличения миллионными тиражами. (Доклад был создан Деннисом Медоузом с супругой и «сотоварищи» на основе модели «Мир-3», разработанной профессором Массачусетского технологического института Джейм Форрестером.) Сам же клуб был задуман достаточно оригинально – как «не-организация», предметом деятельности которой является не институализация и проведение соответствующих исследований, но организация трансдисциплинарных (системных) проектов по долгосрочному прогнозированию глобальной проблематики. (Или, пользуясь также терминологией клуба, «*затруднений человечества*».)

Одновременно, в 1966 году рождается инициатива проведения трансдисциплинарного обсуждения складывающейся в мире ситуации на основе интеллектуальных возможностей нобелевских лауреатов. План был реализован в 1969 году – и во многом благодаря усилиям Арне Тиселиуса – в форме «Нобелевского симпозиума», продекларировавшего в качестве обсуждаемой темы «*место ценностей в мире фактов*» (в дальнейшем, после смерти Тиселиуса в 1971 году работу возглавил президент «Нобелевского фонда» Сэм Нильсон). В данном контексте, в конечном счете, формируется *Международная федерация институтов перспективных исследований* (IFIAS, Триест, октябрь 1972).

А в результате проведения переговоров по линии Запад–Восток (в рамках уже наметившегося американо-советского сотрудничества и с одобрения, и при поддержке Алексея Косыгина) основывается междисциплинарный *Международный институт прикладного системного анализа* «по общим проблемам» (IIASA, Лондон, октябрь 1972). Институт находит пристанище в загородной резиденции Габсбургов под Веной – замке Лаксенбург. В его деятельности принимают участие и проходят стажировку представители противостоящих политических блоков.

В чем-то схожий, но, как сказали бы сейчас, «более виртуальный» характер носил международный *Совет по новым инициативам в сотрудничестве между Востоком и Западом* («Венский Совет» или Совет «Восток-Запад»), созданный в результате проведения международных конференций «Вена-1» (1974) и «Вена-2» (1979).

Между тем успешно завершается подготовка *Договора о системах противоракетной обороны* (1972), обозначив длительный период последовательных договоренностей о *контроле над стратегическими и наступательными вооружениями*, а в рамках процесса детанта, начинаются и *переговоры по безопасности и сотрудничеству в Европе*, приведшие к подписанию *Хельсинкских соглашений* (1975). США сворачивают *военное присутствие во Вьетнаме* (и заодно амбициозную космическую программу).

На строительной площадке исполненных надежд 1972 года проводится *Первая (Стокгольмская) конференция по окружающей среде*, имевшая долговременные следствия. А через год выходит второй доклад Римскому клубу Михайло Месаровича и Эдуарда Пестеля «*Человечество на перепутье*», во многом посвященный проблеме «*органического роста*» и «*сбалансированного развития*». Проблеме экологического развития в значительной мере был посвящен также доклад клубу Яна Тинбергена (координатора проекта) «*Пересмотр международного порядка*» (1976).²⁰

Доклад был связан не столько с привычной ныне темой «*нового мирового порядка*», сколько с весьма отличной от нее и по содержанию, и по духу (хотя схожим образом звучащей на русском языке) концепцией «*нового международного экономического порядка*», активно разрабатываемой в те годы странами Третьего мира, игравшими все более заметную роль в тот период (что, в частности, и отразилось в столь часто неверно толкуемом определении «*третий мир*», обозначившем отнюдь не третьесортность, а, напротив, некую дерзкую историческую амбицию и как показывают события наших дней не столь уж необоснованную).²¹

Однако эйфория активной *деколонизации* в 80-е годы сменяется реальностью разделения «развивающихся стран» на динамичное пространство *тихоокеанского Нового Востока* и «*потерянное поколение*» *стагнирующего Юга*, к которому принадлежит, к примеру, большинство государств Африки...

Но параллельно с политической и культурной деколонизацией Не-Запада семантика *глобальной революции* реализует себя и как «*деколонизация*» самого Запада, отмеченная элементами прямого либо косвенного демонтажа прежней культурной конструкции, мультикультуризации, квази-ориентализации, частичной ее де-христианизации. *Глобальная деколонизация*, борьба за многорасовое и поликультурное общество, за признание гражданских прав меньшинств и главенство принципа суверенитета человека независимо от его личных свойств, убеждений и склонностей прочитывается как многослойный и универсальный процесс. (В частности, распространяется, вызывая различные чувства: от недоумения и насмешек до активной, порою фанатичной поддержки, постулат *политически корректного*

поведения, соответствующего мультикультурной системе ценностей и соответствующим поведенческим стереотипам.)

В период активной реинституализации глобальной среды появляется на свет также *Трехсторонняя комиссия*, объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии (1973). А после прошедшего в том же году вашингтонского совещания министров финансов крупнейших стран Севера, рождается такой влиятельный институт наших дней – международный регулирующий орган – как ежегодные совещания *Большой семерки* (Рамбуйе, 1975)...

Короче говоря, к концу века становится очевидной трансформация прежнего Севера, изменение смыслового контура. В результате распада СССР (1991) и связанных геополитических конструкций появилось пестрое пространство «стран с переходной экономикой», а Соединенные Штаты превращаются в уникальную «глобальную державу» с неопределенными полномочиями, изменившейся сферой компетенций и широким кругом ответственности.

Одновременно прорисовывается контур принципиально иных социоконструктов: *транснациональных сетей Квази-Севера* и «*мирового андеграунда*» *Глубокого Юга* («*ибо новая вавилонская башня не будет устремлена в небо, но обращена вглубь*»), обладающих различным горизонтом, но сливающихся в исторической перспективе в общий архипелаг диффузного мира.

В меняющемся социокосмосе просматриваются экзотичные шкалы ценностей и двусмысленные исторические горизонты. Попытки постичь сложность бытия приводят порою к срывам и утрате даже прежнего искусства чтения социального текста, а местами к упрощению окружающей действительности, ее хаотичной фрагментации и архаизации.

Возникающие в разных местах планеты очаги «пирократии» чем-то напоминают ветхий и разрушаемый вандалами дом, пустую оболочку, покинутую населявшими ее ранее смыслами. Бытовой мусор, умножающиеся, помеченные инвентарными номерами и выставленные анонимным продавцом на глобальный аукцион «ненужные вещи», всевозможные отринутые обломки футуристичных конструкций и «великих строек века» – все это постепенно превращается в никому не нужный мусор, гигантскую, вселенскую свалку отходов, сжигаемую, в конечном счете, как сор.

5.

Не случаен произошедший лексический сдвиг от привычного термина *мировая экономика* к *экономике глобальной*.

В хозяйственной и финансовой механике мира происходят драматичные перемены: формируется *глобальный рынок*, утверждается система ценностей,

основанная на финансовой редукции бытия (*цифровое мышление, цифровая культура*), где деньги выступают в роли субститута миростроительных энергий. Интернационализируясь и становясь особым товаром, деньги – новая *мера вещей* – замещают пространство хозяйственных операций (в полном соответствии с прозорливым пониманием хрематистики Аристотелем), постепенно вытесняя прежние понимание экономической практики на обочину.

Деньги – как бы своеобразные атомы дольного мира, взятого в его социальном, а не физическом аспекте. Познание внутренней сущности материи, ее последовательное разложение на составляющие элементы имело следствием изобретение небывалых по силе устройств (к примеру, той же ядерной бомбы). Исследование внутренней природы и потенциальных возможностей финансового (цифрового) прочтения мира также может привести к созданию сокрушительных технологий, способных реализовать как «управляемый синтез» (своеобразный «финансовый термояд» – открыв источник неограниченного кредита), так и собственные Хиросиму и Чернобыль.

В конце 60-х годов намечается кризис производственной и банковской систем и соответствующей инфраструктуры, традиционных форм капитала, равно как и кризис накопления капитала, падение его производительности. Мировая экономика при этом тяготеет не только к глобальному охвату, но также к глобальному аудиту: форсированному выявлению новых предметных полей деятельности, каталогизации материальных и нематериальных объектов – актуальных и потенциальных элементов финансовых операций. А также к производству инновационных форм капитала, к изменившейся роли нематериальных активов, равно как и к расширению ареалов приватизации (вплоть до откупа зон «публичного блага»), последовательно продвигаясь к комплексной (иерархичной), геоэкономической формуле мирового разделения труда.

В начале 70-х годов прежняя модель экономической практики на планете претерпевает серьезные изменения. Происходит «правый поворот», знаменующий рывок к власти глобальной олигархии, обозначивший стратегический союз прежних собственников и новых управленцев (новую классовую общность). В сообществе индустриально развитых стран имеет место отказ от кейнсианства и проектов социального государства, обостряется конфликт между производственным капиталом и капиталом финансовым, разрешающийся в пользу последнего. А в странах Третьего мира прежняя стратегия, нацеленная на замещение импорта («индустриальная модернизация»), сменяется технологией экономической деятельности, целью которой является поощрение экспорта («сырьевая модернизация»), широкая приватизация и продажа, в том числе за рубеж, национальных активов, установление максимально благоприятного климата для накопления капитала, независимо от того, как это сказывается на обществе в целом.

В последние десятилетия XX века зона действия данной стратегии постепенно охватывала планету: от Чили до Великобритании, от распавшегося Советского Союза до трансформирующегося ареала Восточной Азии. Имеется

в виду, конечно же, *неолиберальная модель* экономической практики и соответствующая ей конструкция мироустройства. (Впрочем, достаточно вариативная, сочетающая подчас противоположные на первый взгляд феномены: к примеру, экономический либерализм с политическим авторитаризмом или воплощающая такой химеричный феномен, как неолиберальный феодализм).

Экономика не является наукой в строгом смысле слова, она – часть практики, т.е. «субъект-субъектных» отношений; иначе говоря, экономика есть функция культуры и напрямую зависит от смены культурной платформы. Недаром Маргарет Тэтчер в свое время заявила: «*Экономика – это средство. Целью же является изменение души*». ²²

Неолиберализм в самом кратком определении – это экономическая власть (чтобы не сказать, экономическая диктатура), освобождающая свои деятельные формы от иных – национальных, социальных, государственных, этических – ограничений, сопровождающаяся сужением пространства публичной политики и представительных форм манифестации власти. Более того. В каком-то смысле это финал долгого состязания государства и капитала, порождающего новый формат социального обустройства (общественного строя): *государство-корпорацию*. Иначе говоря, в столкновении двух источников власти: государства и капитала, государство постепенно освобождается от обременений государственности, а власть переходит к геоэкономической системе политико-экономических центров силы. Подобная феноменология, выходящая за пределы прежних прописей миростроительства, обладает собственной логикой и энтузиазмом, демонстрируя начала иной исторической эпохи.

Одновременно на поверхность выходит феномен *сетевой культуры*, активно утверждающий себя как в формах социальной организации, так и экономической деятельности, находя подтверждение своей исторической релевантности в кризисе прежней системы общественной регуляции. А также в становлении новой социальной группировки – транснационального *сословия элитариев*, существенно отличающихся и от прежней буржуазии, и от бюрократизированного корпуса чиновников-управленцев.

На планете формируется *социальный и политический класс*, связанный с постиндустриальным производством/бытием, глубоко враждебный прежнему порядку вещей. Логика становящегося мира далеко не всегда совпадает с рациональностью человека эпохи Модерна, а формальное (т.е. отчуждаемое, дисциплинарное знание) нередко замещается знанием трансдисциплинарным, персонализированными умениями, сноровкой, неотчуждаемыми от субъекта действия. ²³

Доминировавший в кодах современной (*modern*) цивилизации *протестантский этос* претерпевает кризис и глубинную мутацию. В недрах общества на протяжении столетия формировалась иная мировоззренческая позиция, другая система ценностей – пусть еще не вполне отчетливая, не до конца прочитанная, но активно утверждающаяся в живом тексте бытия. Люди

новой культуры выходят за пределы социального и культурного контроля «*над разумом и языком*», за пределы религиозного патернализма, прежних форм метафизического, психологического программирования действий. Они расстаются не только с оболочкой обрядности и стереотипов, но и со всем прежним прочтением культурной традиции – реализуя метафизическую и практическую свободу выбора. Равно как свободу существования вне какого-либо определенного метафизического модуса, что позволяет произвольно толковать основы и цели бытия, проявляя свою истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Человек-суверен, расстающийся с психологией подданного и гражданина, действующий, вкупе с порождаемыми им антропологическими констелляциями как транснациональный персонаж, как существо независимое по отношению к сложившимся структурам земной власти, – умножающийся и одновременно уникальный результат новейшей истории. Он становится самостоятельным влиятельным актором, деятельно формируя пространства общественной и ментальной картографии, очерчивая горизонты обновленного театра действий, который в одном из важнейших аспектов можно определить как *власть без государства*.

6.

Что же происходит сегодня в сфере международных отношений: созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повышается или понижается уровень цивилизации на планете (*цивилизованности, политеса*)?

Тут целый ворох вопросов. Куда движется мир: к реконструкции монополярной (имперской) типологии правления глобальной страны-системы либо той или иной формы международной администрации? К новой биполярности: США и Китая? К многополюсному или олигархическому социуму? К апофеозу модернизации и появлению на планете политических, либо, по крайней мере, социальных институций глобального гражданского общества? К безбрежному, анонимному, многомерному пространству социального действия, управляемому и направляемому безликими сетевыми организациями? Или же к торжеству самоорганизующийся критичности, турбулентному, многоплановому столкновению цивилизаций, либо распаду всякой устойчивой социальности и вселенскому хаосу?

Многообразие концептуальных замыслов, эскизные воплощения версий отражают состояние социальной криптограммы, декодируемой субъектами современной «игры в бисер», вычерчивающих, подобно Каю во дворце Снежной королевы, картографию вступающего в свои права века.

Смысловой кризис и расхождения в аксиологии заметно деформируют привычные представления. Химеричная концептуалистика переходного периода оказывается редукцией положения вещей, а концепты долгосрочного

прогнозирования – весьма уязвимыми. Мы видим, что времена футурологического энтузиазма, характерного для 60-70-х годов прошлого столетия, явно канули в Лету. Нынешний горизонт рационального планирования, судя по официальным документам (к примеру, стратегические карты Пентагона, оценка развития событий Национальным советом по разведке США или, скажем, обнародованные планы роста экономики КНР), как правило, не выходит за рамки 2020 года. Но наряду с привычными методами проектирования событий, распространение получает концептуальная разведка (*probing*) будущего, равно как и вычерчивание опрокинутого «древа ситуаций», произрастающего из восприятия истории как целостной структуры, обладающей внутренней логикой развития.

То, что мир не будет таким, каким был или казался, в общем-то, очевидно. События 11 сентября и наступившие под их сенью последствия разрушили, прежде всего, психологический барьер перед приходом новизны. И, впусив сквозь узкие врата духов перемен, высветили на обломках геркулесовых столбов современности обновленную систему мировых связей. Трагические события по-своему легализовали смену парадигмы внешней политики, упрочив тенденцию к преадаптационным действиям, т.е. действиям, нацеленным на опережение судьбоносных событий. Так, скажем, основу прежней стратегии национальной безопасности: *доктрину сдерживания* и связанную с ней концепцию *устрашения на основе массированного ответного удара*, сменил новый стандарт – *доктрина упреждающих действий*, включающая в себя возможность и подчас обязанность нанесения превентивных ударов.

Перемены в определенной мере являются результатом расширения спектра субъектов мировых связей, не подпадающих ни под их прежнюю номенклатуру («национальное государство»), ни под прежние механизмы сдерживания («массированный ответный удар»).

Соединенные Штаты, став мировой регулирующей державой (своеобразный исторический парафраз темы «свободы единого»), по-своему прочитали траекторию цивилизационного маршрута. Однако в новой конфигурации социовселенной, параллельно с очевидным возвышением Америки, возникают альтернативные претенденты на мировое господство либо на ту или иную форму соучастия в нем.

Так, помимо возвышения очевидных претендентов (скажем, таких стран-систем, как Европейский Союз, Большой Китай, многонациональная Индия) в процессе транснационализации и частичной конвергенции элит очерчиваются контуры заметно иного планетарного субъекта: хозяина геозкономического универсума – универсальной *штабной экономики*.

Расширяется также область присутствия на планете (и рост влияния) эклектичной культуры *мирового Юга*, оценки которого разнятся от «*источника жизни, питающего стареющий Запад*» до «*нового варварства, удушающего цивилизацию*». Мировой Север и мировой Юг обретают глобальные пропорции, послойно сосуществуя на единой планете, но представляя все более

разнящиеся, *разделенные миры*, обладающие различными образами будущего и историческим целеполаганием.

Конфликты и турбулентности, возникающие подобно электрическим разрядам между этими полюсами, ведут к становления динамичной и глобальной структуры управления – *поствестфальской системы мировых связей*.

7.

Очевидно, что в прописях миростроительства произошел ряд серьезных подвижек: кризис национального государства, формирование мировых регулирующих органов и обновленной системы международных отношений, появление нового поколения субъектов мировых связей.

На планете складывается система координат и отношений, дезавуирующая монотонность прежней оппозиции Восток-Запад. Во многом разговор о *столкновении цивилизаций* – и о необходимости его перевода в конструктивную, синкретичную форму *диалога цивилизаций* – порождение именно кризиса института национального государства, систем международной регуляции в целом. А, возможно, кризиса всей современной цивилизации.

В ведущейся полемике термин «цивилизация» (а заодно возрождение *имперской терминологии*) используется во многом из-за очевидного дефицита категориального аппарата для описания оригинального состояния мира, из-за необходимости как-то очертить рамки формирующейся социополитической связности. Новое потому и является новым, поскольку для него нет имени. Другими словами на планете возникает форма мироустройства, для которой нет адекватных терминов, слов, определений. В подобной ситуации мы пользуемся категориями «империя» и «цивилизация», чтобы зафиксировать расширение прежних параметров политической организации, круга ее значимых субъектов, т.е. тех реалий, которые очевидным образом присутствуют в полифоничном концерте мировых связей.

Описывая состояние социокосмоса, дисциплинарная мысль вскрывает даже не *трансформацию* мироустройства, но нечто большее: *транзитность* исторической ситуации, деконструкцию прежней организации мира и активный поиск нового конструкта, а жизнь вносит в эти усилия неизбежный прагматизм и элементы концептуальной эклектики.

В последние годы меняется сама формула глобализации. Энергично протекают процессы автономизации, субсидиарности, рождающие парагосударственные региональные (*глокальные*) образования, анклавов и «астероидные группы» различного генезиса, умножая клубное содружество акселераторов мирового развития. Какое-то время лейтмотивом стратегических штудий была тема финансово-правовой унификации мира, при которой акцентировались такие категории, как «*конец истории*», «*публичная*

дипломатия», «международные неправительственные организации», «вашингтонский консенсус», «коалиции сил», «национальная транспарентность», «бархатная революция» и т.п. Затем в центре внимания оказался несколько иной реестр понятий, скажем, «столкновение цивилизаций», «гуманитарная интервенция», «ось зла», «глобальная держава», «страна-империя», «несостоявшееся государство», «системный терроризм», «страна-банкрот», «творческая деструкция»...

Тема «столкновения и диалога цивилизаций» отражает, помимо прочего, утрату мировым сообществом привычной субъектности и поиск конструктивной формулы грядущего мироустройства. Причем не столько в области мировоззренческого консенсуса, сколько в сфере социальной практики.

Другими словами, основу нарастающей турбулентности я вижу не в том, что цивилизация Модернити, форсированно осваивая мир, вводит себя в полосу перманентных коллизий. И не в том, что на планете возникает концерт политически аморфных цивилизаций, чреватый их контролируемой или неконтролируемой экспансией, – политическая субъектность «цивилизаций» мне вообще представляется сомнительной. Скорее можно говорить о том, что на планете сложилась ситуация культурной растерянности и сквозь эклектичную субстанцию просматривается контур некой *постцивилизации*.

Конечно, понятие «постцивилизация» двусмысленно, тем более что цивилизацию я все-таки понимаю не как культурный круг. Для меня цивилизация существует скорее в координатах маркиза Мирабо – как градус политеса, цивилизованности человека и общества, нежели как выраженное своеобразие и феноменологическая оригинальность. Феноменологическая специфичность, для меня скорее свойство культуры, качество культурной организованности. А цивилизация – составная часть вполне банальной триады: *архаизация – варварство – цивилизация*, то есть цивилизацию я прочитываю диахронно, а не пространственно, как трансценденцию обстоятельств и повышающийся градус свободы.

Но именно поэтому понятие «цивилизация после цивилизации» не вполне удобно, оно *горчит*... Возможно точнее было бы сказать, что мы вступаем в непознанную, *четвертую* фазу социальной организации (после архаики, варварства, цивилизации). Удивительным образом данное понятие корреспондирует четвертому состоянию вещества (твердое, жидкое, газообразное, плазменное), напоминая отдельными чертами характеристики именно турбулентного (плазменного) состояния. В физике формирующегося миропорядка намечается диссипативное, неравновесное, но устойчивое соединение цивилизации и дикости, футуризма и архаики в некотором синкретичном культурном контексте. И возможно конфликт на планете разворачивается как раз между призраком этой грядущей постцивилизации и современным миром Большого Модерна.

II. СОВРЕМЕННАЯ КНИГА ПЕРЕМЕН

Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей. Но мы настолько занялись собственными делами, что, в конце концов, утратили представление о сложности окружающего мира... В истории трудно найти другой период, когда люди смотрели бы в будущее с такой неподдельной тревогой. В самом деле, это похоже на возврат к Средним векам, когда разум человека был объят страхом перед наступлением нового тысячелетия...

Аурелио Печчеи

1.

Специфика времени, которое мы переживаем – предчувствие социального *Big Bang'a*, глобальная трансформация, казавшихся незыблемыми основ современного строя.

История – *axis mundi* человеческого общежития, результирующее пространство сил и гения человека, перманентной трансценденции внешней и внутренней природы в поисках различно толкуемого идеала абсолютной свободы. Это мир дальних устремлений, окутанных повседневностью дольного бытия. Но одновременно история – синергийный процесс самоорганизации человеческого сообщества во времени и пространстве. Мир людей – социокосмос – является сложным организмом, развивающимся по своим законам. Формальными принципами организации социальной системы представляются: *антропный, диалоговый, голографический* и принцип *сохранения динамической целостности*.

Антропный – ибо общество, нарушающее этот принцип, превращается в «археологический рай», своего рода ахронию, утратив историческое бытие. Кроме того, социосистема антропна и в другом смысле, представляя фрактальное подобие «большого (совокупного) человека»: Адама-Кадмона, в своей архитектонике повторяя логику сложноорганизованных объектов, включая биологические.

Диалогична она – ибо ее бытие есть перманентный, хотя и асимметричный диалог доминантно-открытой и доминантно-закрытой систем: «европейского» и «азиатского» способов бытия, двух «полушарий» глобального социомозга.

Голографична – поскольку асимметричные образования содержат, тем не менее, всю совокупность «молекул» и кодов – включая антагонистические – но, естественно, в существенно различной композиции и пропорциях.

Наконец, мир людей во всех трансформациях и проектах стремится к своеобразной икономии (снисхождению к практике) – воплощая и полноту

предельного образа, и уникальность антропологических ситуаций (проявлений свободы воли), вносящих импровизации, синкопы и диссонансы в логику событий при сохранении динамической целостности структуры, которая и является историей.

Познание закономерностей «исторической физики» вряд ли возможно без существенных потерь отделить от рассмотрения мировоззренческих коллизий, от «исторической метафизики». Организация и дивергенция социального космоса проявляются как суммарный результат действий совокупного человечества, пытающегося с максимальной полнотой выразить свою сущность и потенциал через последовательную реализацию обретаемых степеней свободы. То есть, шаг за шагом воплощая – с теми или иными потерями (икономией) некий идеальный образ истории, реализуя социогенетику телеологического замысла (промысел).

Из данного предположения вытекает ряд прикладных следствий. В частности, то, что построение внеинерционных, нелинейных форм прогноза, – то есть наиболее эффективных его моделей, способных охватить своим горизонтом качественные переходы, ведущие к утверждению иного рисунка социальных связей, – возможно лишь при продвижении от общего к частному, а не наоборот. Иначе говоря, подобный тип дедуктивного прогнозирования – *структурное моделирование* – возникает не из суммы накопленного человечеством опыта, но в результате частичного познания целостного «генома» (инварианта) истории, ее генеральной структуры и целеполагания.

2.

Диапазон современных прочтений миропорядка необычайно широк (что отражает возросшую полифонию человеческой свободы), и с порога XXI века можно разглядеть ландшафты, ранее неведомые историческому взору.²⁴

Отвергнув в свое время патернализм религии и традиционализма, общество теперь, кажется, склонно обменять завоеванную, но оказавшуюся обременительной и связанной со смертельным риском свободу на изрядную толику иллюзий, персональный комфорт, безопасность.

Культура комфорта и безопасности отчетливо заявила о себе в последние десятилетия XX века. И как неожиданный ответ на данный культурный вызов на мировую арену выходит «системный терроризм» – система точечных, но высокоэффективных акций, обладающих мощным эффектом резонанса: хорошо просчитанного последствия, значимо проявляющегося именно в данной культуре. Речь, таким образом, идет о весьма специфичном инструменте частного (нелегального) управления обществом со стороны влиятельных, но безликих организаций: аморфной и эклектичной *власти вне государства*, оперирующей транснациональными эскадронами смерти.

На сегодняшний день можно выделить три ключевых аспекта складывающейся реальности Нового мира:

- цивилизационная динамика на рубеже тысячелетий;
- трансформации, происходящие в сфере международных отношений;
- изменения в области структур управления и генезис новых оргструктур.

Если попытаться обобщить мнения, которые высказываются в интеллектуальном сообществе о процессах, происходящих в мире, они, пожалуй, могут быть сведены к трем концептуальным позициям.

Первая достаточно проста. Она сводится к тому, что в мире, по большому счету, ничего принципиально нового не происходит. К примеру, через некоторое время после событий «одинадцатого сентября» появилась статья Фрэнсиса Фукуямы «*Началась ли история опять?*», суть которой в том, что трагические и турбулентные события последних лет, в конечном счете, отражают энергичное продвижение в будущее локомотива Модернити. И те негативные явления, с которыми мы сталкиваемся, – своего рода издержки модернизации, которая по-прежнему развивается, хоть и не в простых условиях. И развивается интенсивно.²⁵

Вторая точка зрения заключается в том, что на планете происходят серьезные и, прежде всего, качественные изменения. Что процесс модернизации в фундаментальном смысле – в первоначальном и основном значении понятия – зашел в тупик. В мире же набирает силы иной процесс – чаще всего определяемый как «социальный постмодерн» – проявляющийся, то как культурно-цивилизационная полифония, то как более или менее завуалированная демодернизация, а в экстремальном аспекте – как процесс неoarхаизации мира. Эта точка зрения отражена, в частности, в концепции Хантингтона, поскольку речь в ней идет о конфликте различных систем ценностей (культура Модернити – лишь одна из них), о планетарном, «горизонтальном» столкновении существующих культурно-исторических типов общества (цивилизаций).

Данной позиции, однако, свойственна некоторая неполнота. Дело в том, что новая социально-культурная феноменология и система ценностей не сводимы к какой-либо одной, известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, целостной, хотя не слишком внятной культурной и социальной семантики. То есть, не исключено, что, находясь на кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении цивилизационной альтернативы, со своими законами и логикой социальных институтов.

Но в таком случае происходящие события есть не что иное как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций. Иначе говоря, столкновение современного мира не с теми культурами, которые хорошо известны и существуют на планете в проявленном виде, но с некой тенью, с призраком цивилизации, нависающей из будущего.²⁶

3.

Между тем, возникает ряд общих вопросов, носящих отнюдь не риторический характер.

Куда движется человечество в ситуации распада прежнего миропорядка? Что становится его альтернативой? Какое обличье примет общество через десять-пятнадцать лет? Что есть социальная реальность? Как она складывается? Кто строит мир, в котором мы живем? Мир, хорошо известный нам – пожелтевший манускрипт, свалка отброшенных в сторону форм и способов деятельности. Конфигурации нового века утверждают собственную геометрию связей, прочерчивая непривычные горизонты, пересекающие «прежний, дряблый мир». Под флером драматичных событий и по правилам *очень большой игры* ведется схватка за открывшиеся пространства бытия.

Борьба эта на протяжении XX века претерпевала различные метаморфозы. Устремленность к смене миропорядка – центральный тезис манифеста III Интернационала, где провозглашалось: «...национальное государство, дав мощный импульс капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил... Перед нами, коммунистами, стоит задача облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире». Версии нового порядка прослеживались на протяжении XX века в дизайне Лиги наций, в мрачной невнятности *Ordnung's*, в конструкциях ООН, в манифестах активной деколонизации. В транснациональном бульоне различимы и такие ингредиенты, как идеалы мирового гражданского общества, неолиберальная футуристика, пестрые прописи альтерглобализации (не исчерпывающиеся ее прочтением современными антиглобалистами).

В последнее десятилетие века осмысление глобализации явно доминировало в направлениях социальной мысли, стремившейся к формализации изменившегося состояния среды, уяснению пределов и перспектив.

Вектор динамики, в конечном счете, опознается как социокультурная революция, равно меняющая и идеалы мироустройства, и механизмы практической политики. В постпротестантском космосе «стерильная» секулярность, светскость *per se*, предстает не просто наследницей определенных идеалов протестантизма или даже его формальной оболочкой, но, скорее, плодотворной *tabula rasa* новой цивилизации.

Будучи носителем политической корректной, внеинституциональной, индивидуализированной версии христианской культуры и соответствующего цивилизационного содержания (если не идеала), секулярность оказывается – на глобальных просторах – мировоззрением, так сказать, неосновательным, синкретичным, по-своему хрупким. Пребывая в состоянии фактической утраты начал, полу-добровольно наложенного на них «эмбарго», она подвергается интенсивному размыванию со стороны разнообразных модификаций

неоязычества и традиционализма, «нового невежества» и ориентализма, не имея ни соответствующего иммунитета, ни энтузиазма прежних эпох.

Параллельно в секулярном космосе все явственнее ощущается также присутствие бродильного элемента какого-то иного, подавленного в прошлом универсализма, претендующего стать творческим ферментом нового мира. И как суммарный результат, на планете обнаруживаются ростки уже и не христианской, и не секулярной версии цивилизации...

В последней трети века двусмысленная, киплинговско-сталинская, культурно-политическая и «горизонтальная» оппозиция *Запад – Восток* дополнилась социальной вертикалью *Север – Юг* с последующим расширением семантики этих пространств за пределы условной географической локализации, очерчивая планетарные, взаимопроникающие, но все же раздельно, словно слоеный пирог, сосуществующие ареалы «*мирового Севера*» и «*мирового Юга*». Наметившаяся инфернализация этого социокультурного разделения, введение в общественное сознание образов «золотого миллиарда» и противостоящего ему пространства «стран-изгоев», объединенных «осью зла», заставляет вспомнить известные слова Сергея Булгакова о «*переложении иудейского хилиазма... на язык политической экономики*»²⁷.

Ситуация однако же сейчас прочитывается несколько иначе, нежели в начале XX столетия. Почти фарсовое сближение эсхатологического противостояния избранного народа миру зла со «*священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии*» в наши дни заменяется другой, более актуальной оппозицией: противопоставлением «*рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга*» (квинтэссенция коего – идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание, либо развязывание угрозы мировой анархии). Семантическая схожесть обоих мотивов параллельных христианской апокалиптике порою просто поразительна.

На данной, не вполне четкой основе выстраивается система мировых связей, включающая изменившуюся картографию планетарного сообщества, номенклатуру и иерархию субъектов, правила поведения. Интерес вызывают как перспективы монополярной, «имперской» структуры социума, так и другие возможности, включая ту или иную формулу биполярности/многополярности, либо траектории сетевой схемы социальной регуляции, ее метаморфозы и отношения с более привычными модусами управления, возникающие взаимозависимости, симбиозные формы и т.п. Наконец, актуальной темой стал системный терроризм, представляющий часть культуры сетевых организаций.

Феномен «одиннадцатого сентября» продемонстрировал, что трансграничное теневое сообщество может стать перманентной угрозой, однако, определение природы, механики, движущих сил этой субкультуры порою ставит в тупик не только политиков, но и опытных аналитиков. Новый терроризм эксплуатирует взаимозависимости глобального мира, системный характер протекающих в нем процессов – предъявляя соответствующую

стратегию угроз. Его акции строятся на принципе домино, а менталитет организаторов напоминает стиль мышления опытных шахматистов.

Планетарный контекст повышает значение символических объектов, жестов и процедур при реализации данной концепции действий. В глобализированном сообществе возникает «эффект бабочки», когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные следствия в другом, к примеру, в сфере общественной психологии или финансово-экономических операций, хотя и хорошо управляемых, но достаточно уязвимых для подобного рода влияний.

Несмотря на очевидную трагичность события 11 сентября 2001 года важны все-таки не сами по себе. Они оказались прожектором, высветившим происходивший перелом исторической ситуации, и стали триггером для определенных действий.

4.

Социокультурная революция, развернувшаяся на планете, проявляет себя в процессах и явлениях, меняющих как общественное сознание, так и привычные нормы социальной организации.

Возможно ли человеку или самоорганизующимся группам действовать в качестве суверенного организма, вступая в конфликт с доминирующими властными системами? Попытки форсированного продвижения *локомотива Модернити* происходят в условиях заметно изменившейся среды, на путях одновременно глобализирующегося и атомизирующегося мира. Мы начинаем прозревать по ту сторону Большого взрыва образ новой земли и нового неба: космоса, парадоксальным образом совместившего черты цивилизации, варварства и архаики.

Рациональный ум способен связывать фрагменты постисторического *puzzle'a* в единый, хотя подчас химеричный образ. В калейдоскопе (пост)современности объединены восточный карнавал на фоне Эйфелевой башни и глинобитные хижины, оцетинившиеся спутниковыми антеннами, караваны верблюдов, навьюченные «Стингерами» и орды кочевников в пыльных одеждах, с ноутбуками в руках и автоматами Калашникова за спиной. Но это – первые прогоны, бета-версии драматического действия.

Некоторым из изменений не уделялось достаточного внимания, по крайней мере, до поры. Так, параллельно с широко обсуждаемой *глобализацией* (складывание системы мирового управления, штабной экономики, единого информационного и финансового пространства, «глобализации корпораций», возможности проекции силы в различные регионы) не менее интенсивно развивается другой драматичный, и, быть может, более значимый процесс. Процесс этот – *индивидуация*, суверенизация активных, влиятельных личностей, вольных в своих действиях,

освобождающихся от влияния внешних сил, обладающих доступом к значительным финансовым, экономическим, техническим ресурсам/рычагам действия. И наделенных впечатляющим инструментарием, отражающим могущество цивилизации, предоставляя его владельцам возможность при случае чувствительно поражать того или иного Голиафа.

Конечно, следует сразу же оговориться, что под влиянием массовой культуры и психологии потребительского общества поведение большинства людей на планете заметно унифицируется, стереотипизируется, уплощается, объединяя субъекта с исполняемой им функцией (ролью). Но параллельно ресурсы и трамплины глобализации, вкупе с порожденными цивилизацией могучими инструментами, создают уникальные условия для экспансии пассионарного индивида в современном мире.

Новые формулы организации расщепляют социальный текст, предоставляя «стартовый капитал» амбициозным группам и индивидам. Прежняя гравитация объединяла элитные группировки в планеты, под названием государство. Сегодня *национальные корпорации* (сообщество элит обитающих на определенной территории; выражение консенсуса властных группировок, имеющих целью синергичные действия во внешней среде) теряют прежнюю эффективность, порождая своеобразные *астероидные группы*, транснациональные не только по *пространству* приложения сил, но также и по своему *составу* и *целеполаганию*.

Складывается механизм *эффективной частной власти*, новый класс неформальных организаций (как публичных, так и нелегальных), способных совершать политические действия и другие акции подчас планетарного значения и пропорций. Именно в контексте подобного полифоничного, а в перспективе – диффузного, пространства «одиннадцатое сентября» прозвучало столь эффектно. Как бы ни расценивали внутреннее содержание «феномена бен Ладена», само появление подобного стереотипа («*гиперличность*», «*личность, противостоящая миру*», «*человек против цивилизации*», «*враг мирового сообщества*») символично и свидетельствует о многом.

Я бы даже обострил постановку вопроса: не мир и не порядок вещей изменились в тот роковой день, но трансформировалось его прочтение, интерпретация, общественная психология, усомнившаяся в привычных устоях бытия. Что, в свою очередь, сказалось на деятельности общества, на приоритетах в повседневной работе. А, кроме того, на интересе различных кругов к достижениям в сфере стратегического анализа и прогноза.

5.

То, что мир никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, становится очевидным. Однако ландшафт социополитических карт

XXI века неточен, расплывчат, порою двусмысленен. На виртуальных листах видны и контуры «великой суши» Четвертого Рима – грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» Нового Карфагена – нестационарной, турбулентной среды новых субъектов действия.

Чтобы не быть голословным перечислю некоторые проблемы, сопряженные с трансформацией мирового контекста:

- перераспределение властных полномочий с национального на транснациональный уровень;
- появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции;
- кризис культурно-идеологических и практических основ национальной государственности (основного политического инструмента эпохи Модернити), кризис национальной государственности как дееспособной формы социальной организации в ряде стран Юга;
- феномен страны-системы;
- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных соглашений вместо полноценных договоров;
- наметившиеся горизонты «судейской власти»;
- транснационализация элит и появление новой социальной общности – мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного пространства мирового Юга (включая «варваризацию Севера»);
- слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления
- пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», выстраивание геоэкономического универсума;
- развитие транснациональных (корпоративных) сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Если подвести предварительные итоги, то можно утверждать: в мире выстраивается динамичная и в то же время иерархичная система связей, а то, что понималось под международными отношениями еще лет пятнадцать-двадцать назад, фактически, не существует.

Действительно, мировые связи перестают быть ареопагом или тем более форумом, где формально равные и суверенные субъекты выстраивают изменчивые, уравнивающие баланс сил коалиции. В последние годы на планете складывалась своего рода властная вертикаль: глобальная иерархия,

включающая институт международных регулирующих органов («глобальная держава», Большая восьмерка, Совет Безопасности ООН, НАТО и т.п.), а на противоположном полюсе – отверженное племя «несостоявшихся государств» и государств-париев.

Данная логика подрывает постулаты, и менталитет Нового времени, обозначая рецидив конструктов, характерных, скорее, для сословного мира. Другое свойство складывающейся системы – ее нестационарность, активный характер процессов, предполагающий подчас взаимодействие с хаотизированной средой. Это в свою очередь приводит к становлению технологий управления («матричное управление»), нацеленных не столько на манипуляции тем или иным объектом, сколько на формирование благоприятных для реализации того или иного проекта ситуаций. Кроме того, стабильность все чаще понимается не как статичная, но как динамичная категория, определяющее свойство которой – способность к опережению негативных событий, их превентивное регулирование (т.е. скорее *crisis management*, нежели *crisis resolution*).

Формируется также *поствестфальская международно-правовая парадигма*, закрепляющая в пространстве международных отношений и в общественном сознании «новый обычай» в качестве нормы своеобразного протоправа. Ее характерные черты – нечеткость законодательной базы, превалирование политической инициативы над юридически закрепленными полномочиями и сложившимися формами поведения государств (важность этого фактора усиливается значением прецедента в англосаксонской правовой культуре), неформальный характер ряда влиятельных организаций, анонимность и принципиальная непубличность значительной части принимаемых решений.

Новацией – в контексте господства норм международного права над национальным законодательством – явилась практика судебного преследования со стороны международных и иностранных органов правосудия отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих/занимавших высокие государственные посты. Кроме того, множатся попытки национальных судебных органов принимать решения, обязательные для исполнения иностранными государствами и международными организациями.²⁸ Со временем судебная ветвь власти может занять совершенно особое положение в Новом мире, трансформировавшись во власть транснациональную, в отличие от «провинциальных» институтов исполнительной и законодательной власти, тесно связанных с национальной территорией.

6.

Смена кодов управления – один из важнейших аспектов перемен. Новые оргсхемы и технологии меняют привычный облик власти. Просматриваются

симптомы маргинализации «легальной власти» и публичной политики, их отчуждение от решения ключевых вопросов, подмена альтернативной системой социальной регуляции – властью «неформальной», транснациональной, геоэкономической.

Эффективное управление сопряжено с доступом к активам и ресурсам, со взаимодействием с персонажами и сообществами. Национальные корпорации долгое время правили миром, но мир существенно изменился. Складывается иная, слабо связанная с национальной лояльностью геометрия коалиций по деловым, культурным, религиозным, этническим либо иным основаниям. Но не только личности или элитные группировки становятся менее связанными с привычными формами социализации – крупные корпорации также, возможно, были лишь генерацией динозавров, становящихся птицами, переходной эпохой в головокружительной гонке все более гибких и динамичных сущностей, перехватывающих эстафетную палочку бытия.

Происходит экспансия сетевых структур – пестрого конгломерата социальных, политических, экономических, культурных организмов. В их числе клубы различного уровня влияния и компетенции, разнообразные религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские структуры, наконец, разного рода асоциальные, террористические организации, пестрый и эклектичный мировой андеграунд. Новая культура, подобно вирусам, может сосуществовать во плоти прежних организмов, в недрах которых прочерчиваются границы новоявленного «столкновения цивилизаций» – конфликта между централизованной иерархией и гибкой сетевой культурой, между администратором и творцом, между центростремительными и центробежными тенденциями.

Сетевая организация лучше приспособлена к динамичному, случается, почти турбулентному состоянию среды, где вместо институциональной функции она реализует дискретные проекты. (При этом многообразие проектных векторов «взнуздывается» кластерным характером матричного управления.) Сетевая культура и расцветает с особой интенсивностью именно на разломах, в моменты кризиса или взлета. В этих условиях дискретная проектная логика способна минимизировать влияние инерционных действий и связанных с ними ошибок.

У подобных образований единая основа – суверенный, деятельный человек. Энергичные, пассионарные личности существовали в мире всегда. Но, как уже отмечалось выше, никогда прежде они не имели такой свободы в оперировании финансовыми и информационными потоками, не обладали столь широкими техническими и инфраструктурными возможностями. Сетевые сообщества (террористические, в частности) формируются из личностей, которые творят некое концептуальное целеполагание, создавая под свои проекты временные виртуальные организации. Если выдвинутая идея (или финансовая цель) содержит аргументированный вызов и привлекательную перспективу, то определенный класс людей собирается в кластер. Эти

коллективы могут действовать совместно, не сливаясь при этом в единую организацию, но автономно, соприсутствуя в русле разделяемых целей и идеалов. И подобная среда в глобализирующемся мире становится все более действенной и влиятельной.

К сожалению, осознание глубины и радикальности перемен запаздывало, стандартная оценка не выходила за определенные психологические, интеллектуальные или политкорректные рамки. Хотя нельзя сказать, чтобы будущее представлялось безоблачным, особенно в последние годы прошлого века: проскальзывало предчувствие драматических событий, в числе которых ожидался некий особый террористический акт (предполагалось, правда, что, он будет связан с локальным применением средств массового поражения). Но в любом случае, такого рода событие должно было изменить общественное сознание, высветив новизну ситуации и ускорив социальное время. Именно это и произошло.

Многое в настоящий момент видится яснее, несомненен масштаб произошедших перемен, более внятной стала логика трансформации. Наверное, не ошибусь, если скажу, что совершившиеся за короткий по историческим меркам срок изменения коснулись буквально всех сторон социальной реальности. Сломалась не только ось *Восток – Запад*, но заметно преобразилась альтернативная ось *Север – Юг*.

Одно из следствий перемен – дефектность привычного инструментария, что порождает конъюнктурную суету и множит ошибки. В обычных условиях полноценные культурологические штудии, развернутый анализ картины мира, концептуальная разведка будущего не представляют непосредственного интереса для государственного управления и задвигается на второй, если не третий план. Однако в условиях серьезного искажения перспективы императив удержания контакта с реальностью вынуждает производить болезненную смену языка анализа, без чего равно затруднительны и концептуальная разведка, и сценарный прогноз, и нормативное планирование, а порою даже простое понимание и выстраивание шкалы значимых событий²⁹.

Динамизм среды предполагает смену семантики проектирования, введение новых категорий. Меняется номенклатура значимых субъектов, ибо критерий их признания и учета один – степень влияния на события.

Что такое проект? Господин Журден не знал, что говорит прозой. Мало, кто из людей осознает, что погружен в пространство перманентного проектирования: создания картин будущего (пусть предельно краткосрочного), способов их реализации и цепочек необходимых действий. Люди, способные соединять подобную рефлексию с практикой становятся предпринимателями, политиками, игроками, авантюристами; неспособные – писателями (особенно фантастами). Венчурный проект выстраивается на границе познанной территории и ситуации, отсутствующей как реальность, но которая с высокой долей вероятности реализуется в будущем. Этот процесс, льющий воду на вполне определенную мельницу³⁰, и носит он название *преадаптации*, его изюминка – в различении и активном представлении сущего и должного,

актуального и возможного. Так что крот истории вряд ли так уж слеп, и, во всяком случае, прозорлив.

Горизонт рационального прогноза в последние годы заметно сжимается, это явно не та технология, которая может эффективно функционировать в радикально меняющемся мире. Социальная среда не только изменчива сама по себе, но – что серьезно усложняет анализ – изменчивыми оказываются познанные закономерности и стандарты. Сегодня многие вроде бы проверенные временем алгоритмы не работают или работают недолжным образом. Прогностика вступает в период доминирования креативных моделей, имеющих короткий срок эффективного действия, т.е. спроектированных *ad hoc* – применительно к той или иной ситуации.

Лучше других новое положение вещей – со всеми возможными оговорками – понимают, по-видимому, США, что подтверждается их действиями, которые, если обобщить происходящее, являются преадаптацией, т.е. реализацией одной из версий активной политики (не обязательно оптимальной), нацеленной на опережение событий, частично отраженной в концепции нанесения превентивных ударов по странам, угрожающим Америке. Фактическое применение алгоритма преадаптации началось раньше 2001 года. Мозаика неурегулированных до конца конфликтов с внешним участием (а тут можно вспомнить не только Ирак, Афганистан или Косово, но и другие, менее заметные ситуации) выстраивается в типологический ряд.

Образующееся в локальных провалах цивилизации «вмятины бытия» – симптомы иной формы жизни, отвергающей привычный реестр привилегий, даже для себя. Освобождаясь от вложенных историей смыслов они возрождают память о былых триумфах и сокрушениях, *«дабы созданное чужою рукой обратилось в ничто»*.

Умножаясь в числе и расширяясь в пропорциях, динамичная патина социальных вывихов и пришедших извне властных компенсаций сливается в оригинальный социально-топологический синтез – комплексный рельеф контролируемого, если и не управляемого хаоса в преддверии подсознательно чаемого, если и не ожидаемого часа суда. (Ибо пропущенный час, равно как и обманутые надежды взывают к отмщению, свергая заодно прежних кумиров и мироправителей.)

Умаление законов и ослабление скреп бытия, некогда осуществленное ради торжества свободы, оборачивается развращением самой свободы, обращением ее в публичную девку, ради закрепления начертанных чьей-то рукой (пост)современной редакции «законов справедливости» – этой шаржированной, но вполне популярной карикатуры массового кенозиса. Неудивительно, что в какой-то момент приходят «судебные исполнители»

7.

Глобальная конструкция, выстраиваемая на протяжении столетия, не может существовать вне собственной системы властной регуляции. За развязыванием прежнего порядка следует его новое стяжание либо «разрешение запрещенного». Даже такие организации, как Большая восьмерка и Организация североатлантического договора лишь этапы на пути строительства новой политической культуры.

На сегодняшний день внимание сфокусировано на властных трансформациях Соединенных Штатов.

После событий «одиннадцатого сентября» Америка предложила миру версию «глобальной доктрины Монро», преображаясь в квази-имперскую структуру планетарных пропорций.³¹ И хотя Вудро Вильсон видел историческую миссию страны именно в универсальных категориях, провозглашая: *«Мы создали эту нацию, чтобы сделать людей свободными, и мы, с точки зрения концепции и целей, не ограничиваемся Америкой, и теперь мы сделаем людей свободными. А если мы этого не сделаем, то слава Америки улетучится, а вся ее мощь испарится»*, подобные идеалы не слишком укладывались в политическую семантику эпохи Модернити.

Однако в «новом американском веке» Соединенные Штаты, фактически, не являются национальным государством. Америка обрела особый статус (с его постепенной легитимацией), становясь на практике глобальной регулирующей державой. Страной-системой, чьи рубежи – не административно-политические границы национальной территории, но зона жизненных интересов, имеющая тенденцию к глобальному охвату.

Соединенные Штаты – самая мощная страна (страна-система) в мире, источник стратегической инициативы, *«господствующая мировая держава»*, по выражению бывшего госсекретаря США Колина Пауэлла. Это своего рода Новый Рим, «мировой город», окруженный концентрическими кругами «провинций» и зависимых стран.³² С началом века аллюзии на данную тему становились все ярче: принятие ключевых решений в сфере мировой политики, позиция защитника цивилизации в противостоянии мировому варварству, олицетворяемому терроризмом (хоть и реализуемом подчас при участии варварских армий, союзников и наемников), едва ли не императорские полномочия консула-президента, зона национальных интересов, простирающаяся, практически, на всю доступную Ойкумену... Но завязнув в Ираке (и соучаствуя в менее позиционированной а общественном сознании Афганской кампании), США видят определенный стратегический предел своим возможностям.

В качестве критических сроков для доминирования Америки назывались 2015-2020 годы, но подчас и более ранние, и более поздние рубежи. При одном условии: если не действовать на опережение негативных тенденций и событий, но именно поэтому действовать приходится сейчас. Хотя в определенном смысле акции, осуществляемые США вообще не имеют временной границы.³³

Скорее они вписываются в некий стратегический дизайн, представляя звенья, «опорные площадки» гибкой, динамичной системы управления турбулентными процессами на планете (контроль над ключевыми/критическими зонами и образуемые вокруг них оперативно-тактические коалиции), которая идет на смену прежней, статичной системе международных отношений.

Представляется, что для Соединенных Штатов важна все-таки не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перед Америкой стоит масштабная задача – перехват и удержание стратегической инициативы, создание, апробация, утверждение новой схемы мирового управления. А в региональных ситуациях опять-таки первую скрипку играют контроль и управление, а не присутствие и владение. Я бы охарактеризовал новую конструкцию как динамичную, глобальную систему мировых актуальных связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней сбалансированной и стационарной системы формализованных международных отношений (*inter-national relations*). Особенно если учесть делегирование национальными государствами своих компетенций ныне, как минимум, по трем векторам (если не четырем): глобальному, конфедеративному, субсидиарному. А также увеличение числа и разнообразия реальных участников мировых событий.

Трансформация в политические интегрии – явление, характерное не только для США. Мутации политических институтов, порою в существенно различных формах, происходят в разных уголках мира. Квази-государство «Шенген», по сути, также страна-система. Равно как и Большой Китай, вбирающий в себя Гонконг, Макао, в перспективе – Тайвань, и связанный тысячами нитей с диаспорой *хуа-цзяо*. Можно вспомнить и о призраке Халифата, который с некоторых пор бродит по планете, – все это актуальные модификации и проекты стран-систем.

Наконец, Россия в контексте постсоветского пространства традиционно рассматривается то ли как рудимент, то ли зародыш квази-имперского организма, не слишком укладывающегося в конструкты «национального государства». Статус России, ее геополитическая геометрия в настоящий момент носит транзитный характер. Во второй половине прошлого века страна принадлежала к технологическому сообществу, приблизившись к постиндустриальному состоянию. Ее статусную капитализацию отражает присутствие в Совете Безопасности ООН, а также вступление в последний год существования в мегаклуб Большой семерки (восьмерки). Сегодня же сумма достоинств и недостатков позволяет рассматривать ее в качестве региональной державы, примерно в одном ряду с такими государствами, как Бразилия или Индия (но есть особенность: геоэкономическая специфика России соответствует не страте Нового Востока, а, скорее, сырьевых государств Юга³⁴).

III. ТЕ, У КОГО НЕТ БУДУЩЕГО

Нам предстоит размышлять о тревоге настоящего времени.

Мы должны постичь эту эпоху хотя бы для того,
чтобы говорить на соответствующем ей языке.

При этом следует всё же ориентироваться
не столько на яркие проявления времени,
сколько на внутреннюю диалектику нашей тревоги...

Поль Рикер

1.

Параллельно с возвышением Америки на планете очерчиваются горизонты иного глобального субъекта – геοэкономической мегакорпорации Нового Севера, порождения универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит.

В 90-е годы многие умы предсказывали смещение силовых игр из военно-политической сферы в экономическую вместе с эскалацией нового типа конфликтов – геοэкономических коллизий, разворачивающихся в контексте международных связей. Как писал один из влиятельных сторонников данного подхода *«геοэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геοстратегии, а в более широком смысле – и на всем существующем опыте конфликтных ситуаций»*.³⁵ Судьба подобных прогнозов оказалась двусмысленной: они вроде бы и не сбылись, по крайней мере, в промышленной полноте, однако порожденный ими язык оказался весьма удобным инструментом для анализа происходивших в дальнейшем событий.

Геοэкономика как направление социальных наук сформировалась еще в середине XX века на стыке экономики и политологии. В ее предмете просматривается несколько аспектов, объединяющих вопросы экономической истории, экономической географии, мировой экономики, политологии и конфликтологии, а также теории систем и управления. Геοэкономика изучает: (а) политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации; (б) синтез политики и экономики в международных отношениях, формирование системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления; (в) пространственную локализацию (геοграфическую и трансгеοграфическую) различных видов хозяйственной практики, меняющуюся типологию мирового разделения труда.

Кажется, есть общее понимание, что с экономикой на планете происходит нечто интригующее и одновременностораживающее: какая-то

фундаментальная мутация. Мы наблюдаем изменение привычных форм хозяйственной жизни, сосуществование разнородных регламентов и процедур в данной области, их полифонию или даже какофонию: словно случайно объединенные средой и практикой персонажи действуют в различных системах координат.

В новом веке экономика обретает политическую субъектность и широкий горизонт. Из процесса обустройства земного мира она трансформируется в искусство стратегического действия и системных операций, происходит слияние политики с экономикой, особенно ярко проявляющееся в сфере мировых связей.³⁶ Стирается не просто граница между внутренней и внешней средой или между экономическими и политическими пространствами, – отчетливым становится доминирование глобального геоэкономического баланса над национальными хозяйствами.

Экономическая деятельность прочитывается как вполне самостоятельная отрасль практики, но одновременно – как трансценденция сопутствующего материала, как перманентное созидание новых, подчас эклектичных предметных/деятельностных полей. Потенциал синтетического космоса представляется фактически необъятным, хотя здесь к некоторому пределу подходит развитие хозяйств, чей вектор был устремлен от экстенсивного потребления материальных ресурсов к интенсификации возможностей за счет высокотехнологичного индустриального развития. Сегодня, однако, механизм акселерации, действовавший на протяжении нескольких сотен лет (т.е. поступательная инновационная динамика) затормозился и работает с перебоями.

Инновационная волна начала XX века, породив кризис перепроизводства (а заодно методы борьбы с ним), сменилась со временем планомерной оптимизацией достигнутого. Попытки же вновь совершить инженерный прорыв, вернув локомотив экономики на рельсы интенсивного «шумпетерианского» инновационно-индустриального развития, не привели к значимым результатам, при этом начала снижаться производительность капитала. Информационная техника, средства коммуникации, продукция биотехнологий и нанотехнологий, энергия термоядерного синтеза, новые виды топлива – очерчивают вероятное пространство действия, но не производят само действие, которое можно предъявить обществу, поставив на одну доску с промышленным переворотом начала прошлого века.

Экономика в привычных обликах – сельскохозяйственная, промышленная, индустриальная – обрастает дополнительными проблемами: ресурсными, трудовыми (социальными), экологическими, становится обременительной и как бы второсортной. Стимулы развития, особенно в условиях дефицита радикальных изобретений и выдающихся технических инноваций, все чаще оказываются за пределами поля актуальных операций. Требуется существенное обновление инженерных и индустриальных прописей, некий механизм, на сегодняшний день отсутствующий.

Между тем возникают хозяйственные комбинации и стратегические альянсы, отличные от промышленных кодов предшествующего этапа развития.³⁷ Один из геэкономических векторов XXI века – связь политики с тем, что являлось традиционно областью экономики: природными ресурсами, прежде всего – энергоносителями. Финансы и энергетика – два актуальных камертона, тональности которых значимы как для стратегических, так и для насущных проблем практики. На поле, очерченном данными векторами, разворачиваются геостратегические игры и штабные учения по организации миропорядка.

(Пост)современная экономика, кроме того, уже не просто хозяйственная, производственная сфера, но по преимуществу информационный, бухгалтерский, цифровой мир и с какого-то момента не только турбулентное пространство финансов, но также форма эксплуатации политических и правовых ресурсов. С этим связано осознание смысла нематериальных ресурсов, причем, не только как финансово значимого компонента, но и как вполне самостоятельного актива. (Однако и более того; стоит сравнить, к примеру, нематериальный, но в определенной, порою значительной, мере отчуждаемый капитал светского политика/администратора и нематериальный, неотчуждаемый капитал духовного лидера.)

Отчетливее становятся сложность и неоднородность геэкономической среды, ее фактическая многоярусность. Экономическая история последнего века неоднозначна: наряду с тенденцией фритредерства и либерализации глобального рынка, проявлялось стремление к устойчивому, системному контролю над хозяйственной деятельностью, реализации в данной сфере того или иного политического (управленческого) проекта.

Методы при этом заметно разнились. От явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких – проклюнувшихся в амбициях международных институтов развития, мировых регулирующих органов, в структурах интернационального политического и финансового контроля или в некоторых особенностях генерации ТНК (к примеру, неолиберальные регулирующие технологии). Так, параллельно с конфликтом прошлого столетия между «социализмом» и «капитализмом» развивался менее очевидный, но, возможно, более универсальный процесс подавления, делегирования, маргинализации частного и национального суверенитета, компрометации либерализма, введения в эту сферу деятельности разнообразных «надстроек».

Сегодня на подобной основе проектируются не только модели международных систем безопасности/сотрудничества, но и геэкономические конструкты наподобие глобальной налоговой системы, всемирной *currency board*, страхования национальных и региональных рисков, системы национальных банкротств или долгосрочного планирования динамики и географии ресурсных потоков. А также проекты конвертации виртуальных кредитов в активы новых объектов собственности с последующим их

масштабным перераспределением. Кроме того, сформировалась галактика виртуальной физики – пронизывающая социальный космос «темная энергия», стремящаяся преодолеть гравитацию политической и хозяйственной практики, превзойти любые мыслимые пределы роста.

Моделью архитектоники геоэкономической (трансэкономической и парapolитической) вселенной может служить все тот же многоярусный «китайский шар». Геокон (геоэкономическая конструкция) последовательно соединяет сопряженные виды деятельности в сложноподчиненную топологию экономистичного универсума. На нижнем, географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых, а также сельскохозяйственное производство, затем их использование природозатратной экономикой. Другой, более высокий этаж – производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством товаров и услуг. На транснациональном ярусе – производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления прочими объектами (в свою очередь плодящими потребность в подобных ресурсах и услугах).

Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономического мироустройства – сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию собственного потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также системный контроль («крышевание») над различными видами асоциальной практики. На планете выстраивается глобальный многоуровневый *Undernet*, эксплуатирующий возможности для не ограниченных моральными препонами форм легальных и иллегальных организаций, где неформальный стиль, гибкость оказывается существенным преимуществом. Отсюда в «большой социум» проникают финансовые ресурсы невнятного генезиса и правила игры, в которых правовой, тем более, моральный контекст утрачивают былое значение.

Наконец, высший этаж геокона – строительная площадка «штабной экономики», арматура глобального управления метаэкономикой, производство самих «правил игры»: регламентов и консенсусов, прямо и косвенно сочетающих экономику с политикой, предвосхищая унификацию источника легальных платежных средств, тотального контроля над их движением, появление унитарной системы налоговых платежей.

Все это вместе взятое способно претворить «земли» геоэкономического универсума в плодородную ниву Нового мира – волшебный источник специфической квазиаренты. Характер замкнутой модели подобного социума можно описать следующей формулой: *то произведено, что продано, то капитал, что котируется на рынке, а бытие определяется правом на кредит*. Не до конца освоенной остается, пожалуй, лишь завершающая логический круг теза: *тот не человек, кто не налогоплательщик*.

2.

Другой вектор (пост)современного мира связан не столько с экономической стратификацией и унификацией, сколько с особым рода деятельной полифонией, раскрытием многогранного потенциала *новых организованностей*.

Транснациональный универсум, обладая подвижной системой координат, избирает для себя ту или иную конфигурацию как средство конъюнктурной фиксации *status quo*. Динамичный космос начинает походить на *мир игры*, где не все существующее достоверно, не все достоверное реально, вероятности и концепты – капитализируемы, а феномены устойчивы, но отнюдь не обязательно равновесны.

Парадоксальность ситуации проявляется в странном на первый взгляд возрастании индивидуальной свободы при одновременном развитии структур контроля в условиях массового общества...³⁸

Что касается нового поколения человеческого смешения, то на планете складывается особый тип корпоративной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом и сетевой средой в целом. Данные персонажи в центр активности ставят некую нематериальную цель, серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно – собственное прочтение бытия, успешно решая заодно сугубо экономические задачи.

По этим лекалам ранжируются затем прочие виды корпоративной практики.

Вокруг смыслового центра выстраиваются ассоциации, группы, причем решение ряда рабочих схем передается сопредельному рою на условиях аутсорсинга. В целом же стратегия агломерата тяготеет к сочетанию поисковой, венчурной активности с системностью экстенсивных, пакетных действий в избранном направлении. Применяются также матричные технологии, организующие среду, создавая желательные для стратегических целей и удобные для текущей деятельности коллизии и ситуации.

Ориентация на гибкие организационные схемы защищает в случае серьезных потрясений. Предприимчивые констелляции («звездочные организмы») способны жертвовать частью ради сохранения целого; кроме того, данный тип оргкультуры позволяет осуществить групповые действия с широким охватом пространства и целей, решая комплексные задачи, выстраивая пространственные системно-модульные схемы. Все это в той или иной мере совершалось, конечно, и раньше, но масштаб, последовательность, оперативность были иными.

Глобальный охват и кумулятивный эффект достигаются за счет технических и технологических механизмов, произведенных и апробированных цивилизацией сравнительно недавно. Другими словами, полноценная реализация новой культуры освоения мира оказалась возможной именно на базе постиндустриального уклада. Ее отличительные свойства –

универсальность экспансии, интенсивная и широкомасштабная коммуникация, разведка, контроль и управление, расширение компетенций, множественный выход в пространства политики – в свою очередь порождают и совершенствуют инструментарий для обустройства динамичной среды обитания, *институализируют* ее амбивалентные протоформы: в виде ли государств-корпораций, «астероидных групп», прочих амбициозных персонажей (пост)современного мира. Синтетический подход к практике предполагает органичную взаимосвязь экономических, политических, идеологических задач (*аспектов*), позволяя решать каждую из них гораздо эффективнее за счет достигаемого синергического эффекта.

Речь, в сущности, идет уже не о хозяйственной активности, а о создании альтернативной системы управления материальным миром, о решениях, напрямую касающихся стратегий его развития, о властных импульсах и творческих инициациях, о сведении воедино на новой культурной платформе различных направлений человеческой активности. О новых техниках действия и целях обустройства земного бытия, о специфическом топографировании социального ландшафта. Наконец, о членах транснационального «воздушного класса», действующих вне привычных структур власти. Понятие «корпорация» в этих условиях возвращает себе основательно подзабытый смысловой оттенок.

Это, повторюсь, борьба не только интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей, технологических решений, но, прежде всего – борьба мировоззрений, кодекса прежней цивилизации и семантики новой культуры. Сетевые конгломераты, прочерчивают границы собственной географии, выступая как, хотя и «виртуальные», однако, фактически, равнозначные и все более влиятельные партнеры привычных структур управления.

3.

Вскоре после эйфории рубежа 80/90-х годов обнаружилось, что силовые и военные угрозы отнюдь не канули в прошлое. Более того, в мире Большого Разрыва (*Big Rip*), как оказалось, возникает новый класс угроз. Проблема заключалась, скорее, в психологическом, семантическом сдвиге, в форме опознания, *конституирования* изменившегося положения вещей.

То, что произошло 11 сентября 2001 г., изменило восприятие мира, но не сам мир. Перемены произошли раньше. Дело даже не в том, что трансформация не осознавалась до «часа X» во всей полноте, – бюрократический механизм в принципе плохо приспособлен к преадаптации, то есть к реальному противостоянию не реализовавшимся угрозам. Дело, скорее, в многочисленных проявлениях нового порядка вещей, в густой поросли следствий, пробившей твердь повседневности и наполняющей своими плодами землю.

Между тем в сундуке «Пандора-21» скапливается критическая масса неприятных сюрпризов:

- формирование новой географии конфликтов и распространение «войн за ресурсы»;
- развитие глобального финансово-экономического кризиса с последующим изменением социополитических скреп;
- возможность контрнаступления мобилизационных проектов и возникновения принципиально иных идеологических конструкций;
- радикальный отход ряда держав от существующих правил игры, более свободное применение военных средств, в том числе в качестве репрессалий;
- демонстрационное использование оружия массового поражения, прямая угроза его применения;
- вероятность региональных ядерных конфликтов в странах Третьего мира, либо той или иной формы инцидента с оружием массового поражения (как ядерного, так и радиологического, химического, бактериологического) в странах Севера;
- превращение терроризма в многоуровневую систему, транснационализация и глобализация асоциальных и криминальных структур.

В конечном счете, вероятным сценарием становится ускорение расслоения мира, причем ведущее отнюдь не только к неолиберальной его реконфигурации и дальнейшей моральной секуляризации, но также к утверждению некой диффузной социальности, универсальной децентрализации, не ограниченной апробированными прописями глокализации. Наравне с нарастанием в этом же контексте (и, в сущности, с теми же мотивациями) – постмодернистских версий квази-фундаментализма, автаркичной регионализации, центробежной, а затем и центростремительной неоархаизации.

Профессор Йельского университета Пол Брекен еще в конце прошлого века заметил: *«Созданному Западом миру (уже) брошен вызов... в культурной и философской сферах. Азия, которая стала утверждаться в экономическом плане в 60-70-х годах, утверждает сейчас также в военном аспекте».*³⁹ Выдвигая тезис о наступлении *«второго ядерного века»* – т.е. ядерного противостояния вне прежней, биполярной конфигурации мира – американский политолог характеризовал его следующим образом: *«Баллистические ракеты, несущие обычные боеголовки или оружие массового поражения, наряду с другими аналогичными технологиями сейчас доступны, по крайней мере, десятку азиатских стран – от Израиля до Северной Кореи, и это представляет собой важный сдвиг в мировом балансе сил. Рост азиатской военной мощи возвещает о начале второго ядерного века...».*⁴⁰

Более определенно сформулировал тогда же позицию Международный институт стратегических исследований (IISS) в докладе о тенденциях мировой политики. Вывод: главную угрозу представляют региональные конфликты в Азии с участием ядерных держав, в результате чего человечество «балансирует на грани между миром и войной».⁴¹

Действительно, перечисление субъектов азиатской военной мощи: Китай, Япония, Тайвань, Северная и Южная Кореи, Вьетнам, Индия, Пакистан, Иран, Израиль, Армения, Турция, арабский мир, – несмотря на неполноту и эклектичность списка, а может быть, именно вследствие этой эклектичности, заставляет задуматься над степенью безопасности XXI века. А при ближайшем рассмотрении проблема оказывается и глубже, и сложнее.

Процедуры сдерживания и соответствующие системы безопасности, основанные на применении «оружия Судного Дня», были явно и неявно ориентированы на определенную систему ценностей, нормы и стереотипы поведения. Сегодня же менталитету Запада (а точнее ментальности общества Модерна) противопоставлен цивилизационный вызов, включающий не просто более свободное, нежели прежде, но что существенно, базирующееся на иной культурной платформе использование военных структур и оружия массового поражения.

Возрастает также значение «негосударственных игроков» на планете. Генеральный директор IISS Джон Чипман недавно констатировал, что эти игроки на сегодняшний день уже *«достаточно сильны, чтобы противодействовать американским планам, хотя еще слишком слабы, чтобы сформировать привлекательную глобальную альтернативу, либо реализовать жизнеспособную локальную программу без иностранной поддержки»*.

Можно предвидеть появление форм конфликтов и путей их урегулирования, связанных так или иначе со взломом прежней системы социальной регуляции равно как и привычных методов применения силы, и вообще – переосмыслением ее содержания. В общем, человечество вступает в эру изменившихся правил игры – «нецивилизованных войн» различной типологии и масштаба. Мир Модерна столкнулся с противником многоликим и атомизирующимся, а то и просто с анонимной агрессией.

4.

Некоторое время назад мне довелось участвовать в совещании по безопасности Центрально-Азиатского региона, на котором, в частности, обсуждалась ситуация с наркотрафиком.⁴² Ситуация эта в привычной системе координат представляется практически безнадежной. Почему?

Дело тут в нескольких существенных факторах, одним из которых является организационная асимметрия государственных органов и криминальных кланов.

Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри звездочной структуры наркокартелей серьезно повышает их адаптивность, эволюционные возможности к меняющейся среде и принимаемым мерам. Кроме того, финансовое благополучие подобных организаций зиждется на иных, нежели у конвенциональной экономики принципах, а щедрое использование ресурсов не понижает конкурентоспособность. Борьба, ведущаяся «большим социумом» со специфическим предложением, на практике снимает проблему перепроизводства, устранения мелких конкурентов и, кроме того, время от времени создает нервность на рынке, «подогревает» его, помогая тем самым поддерживать определенный уровень цен. И даже, фактически, повышает конкурентоспособность корпорации. Образующийся время от времени избыток товара не гниет на складах, не списывается, не уничтожается – его прямое использование оплачивает совершенствование оргсхем, альтернативные маркетинговые технологии, инновационные вариации трафика и «апгрейд» систем безопасности.

В результате борьба с наркотрафиком подчас напоминает усилия по локализации вирусных эпидемий, т.е. усилия, приводящие, в конечном счете, к возникновению более изощренных и жизнестойких форм напасти.

Контуры глобальной нестабильности проявляются и в феномене *диффузных войн* – происходит транснационализация террористической деятельности, диффузия временных и пространственных границ и форм военных/паравоенных конфликтов, их субъектов-объектов, средств и методов ведения боевых действий. В условиях цивилизационного транзита, когда родовые признаки прежнего контекста деформированы или ослаблены, существующие системы обеспечения безопасности становятся менее эффективными.

Цивилизация, переходя в иное качество, сталкивается с новым типом угроз всерьез и надолго. И хотя разрабатываются, апробируются многие средства и технологии, тем не менее, приходится задумываться не столько о повышении эффективности существующих систем и подходов, сколько о принципиально других путях обеспечения стратегической стабильности, об альтернативной концепции безопасности и радикальном обновлении реестра действий в критических ситуациях. Об изменении самой логики борьбы с аноимизацией общества и международным терроризмом как явлением.

Новое поколение технологий нельзя выстраивать по лекалам прежнего мироустройства. Однако системы обеспечения национальной безопасности – и, прежде всего, вооруженные силы – оказались, в целом, настроенными на прежнюю типологию угроз. В новых же конфликтах их мощь, ориентированная на монотонную эскалацию устрашения, а не на активную диверсификацию

форм противодействия (и опознание изменившихся условий/пространств борьбы), порою уходит в песок.

Эти системы были созданы, прежде всего, для борьбы со средствами нападения таких же государств или их коалиций. По крайней мере, с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что, как минимум, имеет географически локализуемую структуру. А против новых субъектов, против новой типологии финансовых, экономических, информационных, террористических и иных структур действия, «не имеющих отечества» прежние системы оказываются гораздо менее эффективными.⁴³

Но меняются не только системы нападения, мутируют также объекты защиты, при этом они субъективизируются и расслаиваются, словно лента Мёбиуса соединяясь затем с эволюционной ветвью-близнецом.

На упоминавшейся Бишкекской встрече автором была предложена к обсуждению *квазиэкологическая методология* противодействия негативным социальным явлениям. Суть концептуальной схемы – отход от рефлекторной политики («борьба с симптомами») и переход к системным, матричным действиям, типологически схожим со стратегией противостояния вирусным эпидемиям или экспансии нежелательных популяций: «*преадаптация*», «*разрушение потенциала антисистемы*», «*финансовая стерилизация*», «*подрыв патогенной среды обитания*», «*медицина здоровья*», «*обеспечение стандарта социально-экономического благополучия*», «*альтернативный ландшафт*»...

Новый терроризм, что бы ни кодировалось данным понятием, выйдя на поверхность, утратил некий потенциал внезапности, потеряв как феномен безликость. Дефицит стратегического мышления проявляется между тем не в отсутствии значимых целей, а, скорее, в недопонимании формирующегося контекста и новой логики событий. И, соответственно, в определенной мистификации реальности. К сожалению, в поисках панацеи от обновляющихся угроз часто приходится сталкиваться с гипертрофией прежней логики обеспечения безопасности: надежды возлагаются на совершенствование уже существующих методов и технологий, фактически, на их воспроизводство, хотя и на новом уровне. Так, к примеру, обретают плоть модели, в рамках которых социальное пространство уподобляется цифровому.⁴⁴

Действительно, специалисты по безопасности признают, что, скажем, выследить компьютерного взломщика в Интернете значительно легче, чем преступника в обычном мире: компьютерные сети, набор серверов и протоколов, представляют среду, где варианты поведения ограничены и фиксируемы, процессы могут быть декодированы и, таким образом, проконтролированы. А вот вне сетей, в реальном, а не виртуальном сообществе, кодов поведения существует неограниченное множество при явном дефиците «протоколов». Если дальше следовать данной логике, то задача состоит в том, чтобы сузить множество вариантов поведения человека и уверенно контролировать оставшиеся.

Идеал подобной среды – тотально контролируемое общество. Попытка создать «всеобщий каталог», ввести пожизненный личный код, систематизировать персональную информацию предпринималась и в странах Шенгена, и в США, где специалистами разрабатываются универсальные системы (*Digital Angel, Aura, Oracle* и др.). Все это, однако же, есть коренная ревизия начал современной цивилизации, путь к уплощению личности, превращению, в конечном счете, субъекта в объект.

В новой психологической атмосфере ведутся активные дебаты о жизненной необходимости ограничить некоторые ключевые свободы, о разрешении спецслужбам доступа к частной информации. Скачкообразное ужесточение специальных процедур уже получило ярлык «новая нормальность». И вновь надежды возлагаются на технологии – информатику, биометрику, цифровые коды, телекоммуникационные системы, – эволюция которых начинает угрожать фундаментальной ценности нашего мира – свободной личности.

Возникает порочный круг. Подобный сценарий является на деле тупиком цивилизации, ее логическим концом. Это ответ охранительного механизма на растущий организм, стремление переломить, а не оздоровить логику развития. Возможно, с технологической точки зрения задача тотальной слежки и может быть решена, но приведет это к созданию еще большей угрозы. В конечном счете, получится, что основной источник опасности – сама свобода.

Свобода – обоюдоостра. В пространстве исторического действия возник новый субъект, творящий реальность, – свободно действующая личность, отсеченная от прежних культурных корней. Этот новый человек, ощущая себя элитой нового мира, независимо от форм включенности в прежнюю систему, способен безжалостно распорядиться своей и чужой свободой, действуя как «с той», так и «с другой» стороны социальной иерархии. Сейчас у него в руках могучие инструменты: финансовые, организационные, информационные, технические. При этом диалог подобных личностей и пассионарных групп ведется через головы других людей, воспринимаемых как безликий хор статистов.

Мир столкнулся с активным проявлением новой психологии, с интенсивным процессом социального творчества, со сменой культурных мотиваций и социальных ожиданий. Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий неформальной элиты, набирающей вес, но не нуждающейся в институализации социальных претензий (по крайней мере, в прежних формах), проявляется во внешней иррациональности, анонимности, даже эзотеричности семантики актуальных социальных связей.

Прочерчиваются несколько сценариев развития событий. Мировое сообщество оказывается поставленным перед альтернативой создания комплексной системы глобальной безопасности, «*ориентированной на новый орган всемирно-политической власти*» (З. Бжезинский) или переходом к явно неклассическим сценариям нестационарной модели международных

отношений (в диапазоне от моделей *управляемого хаоса* до еще более интригующей и еще менее исследованной области *управляющего хаоса*).

Субъекты транснациональных связей, действующие поверх прежних социальных конструкций и взявшие на себя бремя формирования будущего, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, гегемонизме, терроризме. Однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии, утрачивающие прежнее значение и приобретающие оттенок маргинальности в меняющейся социальной среде. И эта же элита, выходя из-под контроля общества, обретает доступ к рычагам управления механизмом тотального контроля.

Логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен, – завершение строительства геоэкономического каркаса.⁴⁵ При этом не исключаются серьезные модификации политико-экономической реальности: к примеру, отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение ресурсов, энергии, объектов собственности, радикальное изменение структуры цен, в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов.

Однако если каталогизация мира окажется своего рода иллюзией (истоки которой коренятся в механистичных идеалах Просвещения) и будет все чаще спотыкаться о возникающие противоречия, приоритет перейдет к формуле глобального контроля, базирующейся на стратегии прямых действий и превентивных компенсациях практики. Можно также предвидеть развитие кризисов и регулирование конфликтов, связанное с амбивалентной субъектностью мирового андеграунда, с инверсией в применении силы.

5.

Вопросы, поставленные в ходе рассуждения, тем не менее, остаются. Что все-таки возобладает в международных отношениях: созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повысится или снизится градус цивилизации?

Мы видим, что история по-своему беспощадна к Соединенным Штатам как мировому гегемону и национальному государству. Америка взяла на себя бремя глобальной ответственности. Но, оказавшись перед необходимостью перманентно подтверждать этот статус, она близка к фрустрации. Ибо столкнулась на своей территории с конфликтом элит, а вовне – с энергиями переворота и многоликостью субъектностью, для взаимодействия с которой нет ни соответствующих институтов, ни отлаженных механизмов. США в значительной мере объединили против себя разнородные силы, обращая, таким образом, соперников в партнеров, а порою соединив конъюнктурными узами смертельных врагов.

США обладают впечатляющей силой, однако серьезная неудача может стать триггером не менее впечатляющей реконфигурации мировой системы. Призраки иных версий миропорядка, появляющиеся на глобальном театре действий, отражают и явную, и тайную конкуренцию игроков. Но что существенней – формирование поколения претендентов на земли, лежащие за горизонтом. И новое отношение к этой «дальней границе» истории.

Калейдоскоп событий, связанных, скажем, с иракской войной и шире – реконфигурацией Большого Ближнего Востока и еще шире – стратегического дизайна Евразии, становится своеобразным моментом истины для актуальных версий мирового порядка. Кстати, одно из оригинальных определений Соединенных Штатов – «бегемот с совестью». Америка при всех критикуемых недостатках – государство, декларирующее демократическую систему ценностей. А одна из повторяющихся претензий к США (косвенно указующая на планку отсчета) – *лицемерие*, чреватое мутацией могучего организма, перерождением культурных и идейных (а заодно и социальных, а в перспективе и политических) основ, сменой цивилизационного кода.

В логике военно-политического действия, как отмечалось ранее, обладание могуществом и средствами господства, предполагает их активное использование (создание прецедентов с последующей легитимацией). Обратная ситуация чревата утратой и обесмысливанием силы. Дестабилизация мира в свою очередь легитимирует применение силы и введение плотных форм контроля и управления.

Проблема, возможно, заключается не в гегемонизме Америки, а в том, что с задачей установления мирового порядка она не справляется. Будет ли это означать торжество другого конструктивного проекта: транснационального, европейского, исламского, конфуцианского, многополярного либо иного? Имеется ли у прочих персонажей исторической драмы возможность принять бремя глобальной ответственности? И что в таком случае видится альтернативой мировому порядку? Иной, одиночный или коллективный гегемон? БРИК? Глобальное сетевое общество? Выход на поверхность трансграничного андеграунда? Выглядывающая – порою в неожиданных местах и обличьях – *цивилизация смерти*? Мировой терроризм – лишь один из наиболее приметных ликов этой футуристической квазицивилизации.

Политическая механика пребывает в состоянии транзита. В плаценте Нового мира вызревают оригинальные плоды практики: корпоративные антропологические организованности. О них уже шла речь выше. Эти организмы не слишком вписываются в прежний формат социума, пребывающий в состоянии декомпозиции, не слишком внятно прочитываются в летописном своде, утверждая на его листах правила собственной грамматики.

Конstellляции «*земного неба и небесной тверди*» носят неясный, анонимный, мифологизированный характер, у них своя цивилизационная семантика и политическая синтактика. Режим делегирования полномочий, естественный для представительной демократии, явно не из данного свода. Будучи субъектами прямого действия, амбициозные игроки вершат акции

поверх социальных конструкций, избегая включенности в процессы, скроенные по меркам публичной политики. Они и воспринимаются как иррегулярный, анонимный фактор, подчас сознательно ориентированный на деструкцию старых организованностей либо – что все же более привычно – на манипулирование привычными персонажами.

Как следствие, в летописях переходного периода соприкасаются два параллельных текста, один из которых исследован и декодирован, но, увы!, принадлежит прошлому, другой – прописанный преимущественно симпатическими чернилами – представляет *terra incognita*, лежащую в иной системе координат.

В прежней грамматике деятельность антропологических организованностей рассматривается, скорее, как навязчивая девиация, нарушающая правила игры, как повторяющееся их несоблюдение, досадная помеха. В новой семантике эти организмы – протоформы иного, парагосударственного мироустройства. И как результат, ими инициируется иной протокол действия.

Для многих понятие государства является едва ли не синонимом социальности, оно действительно шире понятия национального государства, но еще Гегель отличал *идеал существующего* от *идеала возможного*. Лапутания создает собственную географию, прочерчивает свою дорожную карту, сливаясь с прежним ландшафтом через систему терминалов и *hub*'ов. Это уже не прежний Север (квазигеографическое, но все же связанное с географией понятие), а своего рода растекшийся по планете глобальный, пульсирующий слой, мировой Север, интегрирующий в своей деятельной субстанции метрополисы и порталы прежней геосистемы. А в качестве изнанки существует мировой Юг, чьи корни, удлиняясь и ветвясь, уходят ниже и глубже в мировой андеграунд.

Многомерные инновационные пространства становятся доминантными по отношению к привычным формам организации, наподобие национального государства, генерируя рецептуру экзотичной социализации, соединяя осколки национальных корпораций в молекулы футуристичного гипертекста. Этот бурлящий, расширяющийся космос и есть Новый мир, а ускорение транзита отражает формат происходящего сдвига.

В попытках формализовать эшеровскую архитектонику, идущую на смену линейной метрике Восток-Запад, кажется, заключена причина популярности тем «столкновения» и «диалога» цивилизаций, «империй» и «интегрив» как попыток осмысления миростроительства, поиска определений многообразию, всплывающему из вод истории.

От осознания масштаба перемен и верного опознания зыбкого ландшафта, от выбора маршрута в океане транзита под сполохами утренних/сумеречных миражей, зависит также судьба России. «*Куда ж нам плыть?...*»

6.

Глобальная проблематика, долгосрочное проектирование, комплексность подхода к социальной реальности, начиная где-то с рубежа 60/70-х годов, стали основой активного представления будущего и просто популярной тематикой (во многом в результате работы Римского клуба). В сущности, этим была продемонстрирована обостренная реакция на новизну исторической ситуации, управление содержанием интеллектуального дискурса, и очертаниями генерального политического проекта (в результате в повестку дня вошли такие значимые впоследствии темы как трансдисциплинарность, разрядка, экология, «пределы роста» и т.д.).

Рассуждения на тему композиций общежития велись в те годы в обстановке футурологической эйфории и целенаправленной деятельности по «строительству мостов» (в частности, в сфере ограничений стратегических ядерных вооружений), проектирования *détente*'а⁴⁶, предчувствия неизбежности конвергенции политических систем, замышлявшегося продвижения неолиберальной модели и унификации экономических прописей. А также необходимости социальной и политической конвертации плодов обвальная деколонизации Не-Запада («третьего мира»), решения возникших при этом экологических, демографических и ряда других проблем.

В истории человечества биполярность принимала различные обличия. Даже дихотомия Востока и Запада имела разные социокультурные измерения: конфессионального противостояния («христианство – язычество»), культуртрегерской миссии («цивилизация – варварство»), политического противоборства («капитализм – социализм»)… В конце 80-х годов вместе с кризисом привычной матрицы биполярного мироустройства возникла, однако, вероятность иного, «не-биполярного» социума, опознаваемого в зависимости от конъюнктуры то как мир «однополярный», то как «многополярный». Перспектива утраты прежних оснований, в конечном счете, предопределила взрывную, широкую популярность двух альтернативных привычным меркам концептов: «конца истории» и «борьбы цивилизаций».

Первый обозначил своеобразное исполнение миллениаристских чаяний, воспроизводя по-своему оригинальную версию мондиалистской утопии, финал поисков «храма на зеленом холме». Одновременно была прочерчена то ли стартовая, то ли финишная черта понимания глобализма как нового мирового порядка⁴⁷ и идеологического умиротворения. А также, если и не конфессионального единства, то некоего сбалансированного, конструктивного, мультикультурного диалога. Этот идеал оказался, правда, омрачен разного рода экологическими, демографическими и ресурсными ограничениями, которые между тем самим фактом своего существования создавали предпосылки для обустройства универсальной идеологической платформы предстоящей политической реконструкции (e.g. концепция «устойчивого /самоподдерживающегося развития»).

Второй концепт появился не сразу. Первое время на место оппонента Америки выводился (что уже и вспоминается-то с трудом) «мировой криминалитет», прежде всего – наркотрафик. Тут, правда, возникли свои обстоятельства... Однако концепция конфликта цивилизаций, несмотря на подвижку в типологии политической субъектности, сумела-таки создать предпосылки для идентификации гораздо более внятного и привычного образа врага: сначала в виде клуба нечестивых персонажей «оси зла», затем – и уже надолго – исламского экстремизма (исламизма), особенно в ипостаси терроризма, имея «в рукаве» еще одного потенциального претендента – Китай.

В сущности, бывшее противостояние на пороге миллениума фигур *Буша* и *Гора* символически и политически обозначило ситуацию исторического «момента истины» для стратегического дизайна Америки. Джордж Буш-младший стал инициатором перевода темы «борьбы цивилизаций» во вполне конкретную, по своему (типологически) привычную, и отнюдь не метафорическую «войну с терроризмом» (с использованием вооруженных сил, военнопленными, особым типом судопроизводства и т.п.). Альберт же Гор явился, по сути, идеологом нового универсализма в духе разворачивающейся концептуалистики мирового баланса и устойчивого развития как пролегоменов более сложной, гибкой и полифоничной системы глобального управления, основанной на заметно ином понимании (акценте) силы. И необходимости уже в ближайшем будущем действовать в условиях заметно усложненной, неоднотонной картографии мира.

В момент приближения к кризису – из-за «узкого» ли прочтения обстоятельств, либо применения прежнего поколения средств безопасности (оставляющим лишь коридор эскалации) в социальном, политическом, методологическом арсенале Америки, тем не менее, оказалось нечто, что еще можно предъявлять городу и миру в качестве источника «второго дыхания» цивилизации в дьявольски сложной альтернативе социального транзита.

Но основная ставка в борьбе за будущее оказывается гораздо выше. В битве за игральным столом козырными картами являются все же не та или иная топография ландшафта, а целью не просто призовое место в гонке за политическое либо иное доминирование. Проблема, как ни странно это прозвучит, скорее, в самой постановке вопроса. И в объекте борьбы. Что, собственно говоря, следует понимать под *будущим*, каков категориальный статус картографического *New Deal*? Кто из игроков играет сам, а кто – лишь агент на ковре в глобальном *Casino Royal*, и что находится на кону: фишки, деньги, позиции или же нечто иное?

И еще одна серия вопросов. Какие образы тиражируются сегодня в общественном сознании и психее? Большой социальный взрыв? Мир «злое» и «морлоков»? Экологическая, демографическая или экономическая катастрофа? Новый мировой беспорядок и выход на поверхность с политическими претензиями столь подобного ленте Мёбиуса мирового андеграунда? Неоархаизация и хаотизация прежней модели порядка после осознания ее нереализуемости и с двусмысленной претензией на проблематичное

управление в условиях неопределенности? Новая «астероидная» и клановая география мировой политики? Инновационный прорыв в парадиз нового золотого века (в той или иной версии миллениаризма) либо порыв к звездам?...

Уже в концепции Фукуямы понятие – не то, что бы прогресса, но последовательного продвижения в пространства социальной и исторической новизны – было поставлено под вопрос. В общем: «остановись мгновенье, ты прекрасно!». Лимит на революции объявлялся исчерпанным, а насущной проблемой декларировались экологическое, демографическое, экономическое обустройство, *удержание* планеты, порою с пессимистичными и мрачными обертонами архаичного и традиционалистского (а заодно и «мальтузианского») свойства...

В подобном подходе к принципам и параметрам человеческой вселенной видны симптомы колоссальной культурной инверсии, возврата к, казалось бы, давно отвергнутым и забытым кодам отошедшего в прошлое мира.⁴⁸ Но кто субъекты подобного охранительного инстинкта контр-истории – те, кто отрицают прежнее понимание будущего, кто замыкает исторический горизонт, выбрасывая на свалку истории ценности прогресса, гуманизма, *liberte, egalite, fraternite*, принимая на себя обязанности держателя врат и ключей? Вершиной истории признаются здесь не только определенный тип политического регламента и формула миропорядка. Замкнутый геоэкономический универсум – модель глобального каталога вещей и людей, по сути, объявляется оптимальной часовой механикой мира, теряющего творческую силу. Мира, подвергаемого экзорцизму на предмет изгнания из него всякой неконтролируемой инновации как явления. И вообще – исключения любого нарушения пределов (т.е. происходит возрождение и утверждение архаичной – по своему генезису и временам расцвета – идеологии баланса).

Новый класс управленцев, в условиях нечестивого исторического конкордата сочетающийся крепкими узами с финансовой олигархией⁴⁹ на алтаре неолиберальной версии мироустройства, сделал ставку на мегапроект глобальной геоэкономической машины, объединяющей мир обезличиваемых людей, оцифровывая всевозможные виды практики, превращая любые формы антропологической активности в ту или иную меру универсальной капитализации и урожая квази-ренты. И противостоящий этому амбициозному проекту не менее амбициозный мир людей-*moderni* – людей-новаторов, творцов, соединивших судьбу свою и мира с дальней границей промысла, уходящей за любой мыслимый земной горизонт.

И те, и другие персонажи человеческой драмы сосуществуют в едином времени и на одной планете. Осознание же открытости мира и уникальности возрожденной в русле истории личности позволяет понимать историю не как бесконечно растягиваемый «срок», но как основной модус существования людей, как необходимое условие их перманентной трансценденции к высшему, истинному состоянию. Разделившись, таким образом, внутри себя, цивилизация вступает в историческую схватку за право на формулу творения и борьбу за будущее как значимую категорию, а не вечный, неизбывный срок

деятельного оцепенения. Борьбу, исход которой предопределяет, в конечном счете, траекторию исторической судьбы и достоинство человека.

Подобная «творческая демократия» знаменует снятие правового ценза в масштабе планеты; иначе говоря, новое, демократическое понимание суверенности означает одновременно легализацию новой политической субъектности. Прочерчиваются версии взаимоотношений, которые будут складываться в типологически изменившейся среде: возобладает ли на планете *дух человеческой солидарности*, или разумность коммунального существования выразится в здравом смысле *вежливой автономности*. Не исключен, однако, подтвержденный многовековым анамнезом человеческой страсти (истории) вариант *враждебной конкуренции* различных организмов (как в рамках межвидовой борьбы, так не менее яростно и в процессе «социального каннибализма»).

Поль Рикер, размышляя некогда о схожей, но не тождественной теме – проблеме взаимоотношения разных миров и возможных обстоятельствах столкновения цивилизации с «другим» – еще достаточно благобно формулировал свое видение приближающихся горизонтов: *«Мы ничего не можем сказать о том, что станет с нашей цивилизацией, когда она действительно встретится с другими цивилизациями без потрясений, вызванных завоеванием и подчинением. И надо признаться откровенно, что подобные встречи до сих пор не проходили в форме подлинного диалога. Вот почему мы пребываем в своего рода транзитном состоянии, междуцарствии, будучи уже не в состоянии подчиняться догматизму единой истины, но и еще не способными преодолеть захлестнувший нас скептицизм. Мы находимся на распутье, на стадии заката догматизма, на пороге подлинного диалога».*

7.

Итак, мир Модернити, кажется, исчислил сроки и его пределам виден конец...

Предельность – само по себе непростое, даже двусмысленное состояние (и, кажется, естественная тема для завершения разговора). Это, с одной стороны, полнота реализации явления (как в сущей, так и в возможной его проекции), предъявление скрытых резервов потенциального содержания, исполнение многообразия версий. И одновременно это ситуация острого кризиса – исчерпания природы феномена, в данном случае «исторического», т.е. по ходу дела списываемого в прошлое, «в утиль». Или как в свое время было принято говорить – «выбрасываемого на свалку истории». А еще это высокая вероятность соприкосновения, встречи с *иным*, проникновения в его оригинальное и доселе неведомое содержание, что имеет следствием (как минимум) разрушение прежней категориальности.

Иначе говоря, в подобных обстоятельствах проявляется критическое несоответствие обозначаемого объекта – видимого или невидимого – изначальному кругу идей, *определению определяемого*.

Далее следует либо стагнация существующей ситуации, нередко переходящая со временем в деградацию и разрушение конструкции (хаотизация организации), либо стремительный транзит и властный приход иного. Или и то, и другое параллельно. Появляется также дерзновение (и жизненная, по сути, необходимость) заглянуть за языковой горизонт, отделяющий невнятную, анонимную событийность плотным лексическим (семантическим) частоколом категориального аппарата. Это увертюра и пролог драмы.

Однако главное событие совершается в тот момент, когда занавес поднимается и публике зримо предъявляется оригинальный субъект, воспринимаемый зрителями (да и самими актерами) как очевидный и достойный конкурент фаворитам прежней труппе. Означает же данное действие даже нечто большее: это уже не новояз аналитиков и конкурирующие прозрения провидцев, и не тайное оружие умных практиков, мастеров интуитивной преадаптации – на исторической сцене возникает освещенной светом софитов персонаж, который, скрывающие суть одежды, заявляет *urbi et orbi: «реальность – это я»*. (Или иначе, но то же самое: «все вы – колода карт»).

Атакующая глобальный зрительный зал новизна воспринимается – в сравнении с привычным декором и прочими структурами повседневности – как самоочевидный им антитезис. (И, в общем-то, таковой является, вопрос лишь в каком смысле.) А набив со временем шишки и набрав очки, кандидат в гегемоны может вдруг тихо сойти с исторической сцены либо, наоборот, громко хлопнуть дверью. Или попытаться объявить себя сувереном, оказавшись на деле (что также не исключено) «халифом на час» нового мира. Однако в случае обоснованности претензий и состоятельности предъявленных аргументов – просто самим фактом властного существования – инициировать деконструкцию стремительно устаревающей и «разбегающейся» среды, а не просто «кадровый дефолт» и изгнание из нее прежних субъектов действия.

Подобная историческая комедия – т.е. смешение разноположенных локусов и обитающих в них персонажей – привносит в жизнь энергии творческой деструкции, причем в определении «творческая» таится далеко не очевидный, но опасный риф...

Сегодня, с позиций настоящего вглядываясь в прошлое, мы видим: весь XX век был, в сущности, *веком транзита*. В ходе революции масс, деколонизации, инновационно-промышленного взрыва, социальных революций и культурных потрясений миру предъявлялись различные штампы и версии поколения деятельных субъектов/агентов перемен: от «джиласовского» нового класса, участников «революции менеджеров» до влиятельных транснациональных организованностей самого различного генезиса. И, что, пожалуй, важнее, это мозаичное семейство выстраивает собственный сюжет,

сопряженный с привычным социальным пространством и его обитателями, т.е. миром, который вроде бы никуда не делся и продолжает существовать, лишь временами испытывая беспокойство от очередной странности или невнятности (сбоя в программе) происходящих событий.

И все же, будучи связан с прежним мироустройством тысячью нитей, но в чем-то уже и автономный ареал постепенно погружается в паутину собственных взаимоотношений, приобретающих доминантное значение для инновационной и социальной практики.

Метафорически подобную ситуацию можно сравнить с отменой сословных привилегий или, скажем, избирательного ценза – категория суверенности претерпевает столь же значимую историческую мутацию, а ее предметное поле переживает поистине взрывную экспансию.

Опять же, чтобы не быть голословным, суммирую примеры версий (модификаций) государственности и суверенности, случившиеся в прошлом веке, т.е. феноменологию заполнения соответствующего категориального круга и направлений его разрыва.

Во-первых, это уже обсуждавшиеся ранее *трансформеры* прежних исключительных субъектов международных отношений – национальных государств: мировые регулирующие органы, страны-системы, субсидиарные образования, в том числе такая новация, как «*государственность под международным и военным контролем*», и прочие плоды глокализации мира.

Во-вторых, *химеры*, возникающие на основе взаимодействия национальных государств в геоэкономической системе координат и новых форм разделения труда, либо системной «картелизации» тех или иных видов практики. Ярким (но относительно «традиционным» по сравнению с радикальными формами геоэкономической суверенности) примером синтеза экономической и политической проектности является история Европейского объединения угля и стали, трансформировавшегося сначала в Европейское экономическое сообщество, а затем в Европейский союз и, наконец, его особую модификацию – «государство Шенген».

И лишь мельком упомяну умножение потенциалов и проекций транснациональной юриспруденции, обозначившиеся горизонты судебной власти...

Наибольший интерес между тем представляет возникающее буквально на наших глазах поколение «*новых суверенов*», отчужденных от прежних прописей государственности, возвращающих и реализующих идею власти без государства. Эти деятельные организмы, умножаясь в числе и претерпевая мутации, так или иначе проявляются в чрезвычайно широком диапазоне (напоминая гипотетический биогенный «бульон Опарина»): от государств-корпораций, причем в двух различных ипостасях – (а) капитализирующих целостную национальную корпорацию и (б) коллективных «баронов», ориентированных на ту или иную отраслевую мегакорпорацию, – до трансграничных «астероидных» союзов подобных отраслевых «баронов»,

принадлежавших к различным «планетам» прежней картографии политического пейзажа. И так, вплоть до орбитального калейдоскопа формальных/неформальных организованностей, обладающих трансэкономическим целеполаганием и еще более невнятной структурой, но одновременно с этим ощутимым (или, точнее, весьма чувствительным) влиянием. И даже «персон-суверенов», т.е. возникающей на обломках старого экономистичного мира в ходе совершающейся антропологической революции *Pax Gentium* – «глобальной империи человека».

Вспомним также о другом тезисе, касавшемся понятия *предела*: об ощущении мира за горизонтом, рационализации данной сопричастности, необходимости его опознавать и внятно различать при отсутствии столь привычного инструментария как категориальный аппарат.

Здесь, конечно, таится серьезный интеллектуальный вызов. Действительно, должны ли мы искать выход из логического тупика на путях изощрения прежней рациональности либо пытаться – умело уклоняясь от соблазнов метафорического языка – реализовать амбициозную попытку построения новой рациональности и последовательного определения архитектоники возникающих социальных и антропологических констелляций? Ведь то, что нас действительно интересует – это не просто *констатация* перспектив социального *Big Bang*'а или *Big Rip*'а, но *маршрут* в мире за горизонтом. Язык тут лишь инструмент и, возможно, пароль.

Картография возникающей галактики людей никоим образом не является ворохом разрозненных и плохо сочетаемых топографических отчетов прежней практики. Другими словами, нам не предлагается сделать выбор между устаревшими – т.е. скроенными по прежним лекалам и несовершенными по определению – листами атласа либо их конъюнктурной компиляцией в ту или иную химеру. Но, как минимум, драматические обстоятельства предполагают опознание языка, на котором произносится то самое, сакраментальное: «*реальность – это я*»...

И еще коварное обстоятельство – обозначенный в ходе рассуждения «риф» – а способны ли мы, в принципе, анализировать и адекватно описывать такое явление, как социальный транзит? Интенции Творца – в отличие от человеческих качеств – не направлены на восстановление прошлого или иной версии личного либо общего «золотого века»: порушенного – в силу тех ли, иных причин – не состоявшегося идеала. Имманентное свойство промысла – свободное творчество, отсюда исходит то перманентное обновление мира и та новизна, которую мы называем будущим. Но отсюда же – предельность в удержании плодов, осмыслении перспектив, не позволяя одухотворенным замыслам и рожденным дыханием твореньям вновь и вновь обращаться в обломки, становясь осколками распавшихся или призраками недоовоплощенных миров: свалкой Большой истории, ее «геенной» и очередным неисполнением завета.

Наконец, последнее. Поднятые вопросы можно не обсуждать вообще, либо подойти к обсуждению более конкретно или напротив: формально и поверхностно, если бы не одно обстоятельство.

Проблема конкуренции в освоении новизны не является задачей, так сказать, только академической. «*Не созерцание, а действие есть цель всякого творения – вывести людей в этой жизни из несчастного состояния и привести их к состоянию блаженному*», – быть может звучащий для наших дней слишком категорично и оптимистично – но зато вполне внятный политический рецепт, сформулированный Данте Альигери. Будущее мира людей не базируется на анализе субъектно-объектных отношений и мало зависит от него, имея целью не очередной градус насыщения социального дискурса, но отражает борьбу конфликтующих смыслов и мировоззренческих постулатов, пульсирующих автономий и энергичных субъектов, сходящихся время от времени в смертельной для большинства из них схватке за реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gwardini R.* Ende der Neuzeit. Leipzig, 1954.

² *Drucker P.* The Landmarks of Tomorrow. N.-Y., 1957; *Toynbee A.* Study of History. Abridgement of Volumes I-VI by *Sommervell D.S.* Oxford, 1947.

³ *Sauvy A.* // L'Observateur. P., 14.VIII.1952.

⁴ *Fourastie J.* Le grand espoir du XX-s siecle. P., 1949; *Aron R.* Le developement de la societe industrielle et la stratification sociale. P., 1956; *idem.* Trois essais sur l'age industrielle. P., 1966; *idem.* 18 Lectures on Industrial Society L., 1968 (цикл лекций, прочитанных в Сорбоне в 1957-58 гг.); *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. A Noncommunist Manifesto. Cambr., 1960; *idem.* Politics and the Stages of Growth. Cambr., 1971.

⁵ *Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. Glencoe, 1958; *Hagen E.* On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins. Homewood, 1962; *Levy M., Jr.* Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs. Vol. 1-2. Princeton. 1966; *Eisenstadt S.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966; *Black C.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.-Y., 1966.

⁶ *Гэлбрайт Д.* Новое индустриальное общество. М., 1969.

⁷ *Riesman D.* Leisure and Work in Post-Industrial Society // *Mass Leisure* / Ed. by *E. Larrabee, R. Meyerson.* Glencoe, 1958; *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // *The Public Interest.* 1967. № 6, 7.

⁸ *Touraine A.* La société post-industrielle. P., 1969; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.-Y., 1973.

⁹ *McLuhan H.M.* The Gutenberg Galaxy. Toronto, 1962; *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.

¹⁰ *Etzioni A.* The Active Society. A Theory of Social and Political Processes. N.-Y., 1968; *Wright Mills C.* The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970; *Baudrillard J.* La société de consommation. P., 1970; *Lyotard J-F.* La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. P., 1979.

¹¹ *Wallerstain I.* The Modern World-System. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World-Economy. N.-Y., 1974.

¹² *Brzezinski Z. America in the Technotronic Age // Encounter. Vol. XXX. January 1968; idem. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.-Y., 1970.*

¹³ То есть «*постепенное появление все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем*» (*Brzezinski Z. Between Two Ages. – N.-Y., 1976. P.252.*).

¹⁴ «*Движение к большому сообществу развитых стран... не может быть достигнуто путем слияния существующих государств в одно большое целое... Хотя намерение сформировать сообщество развитых стран менее претенциозно, нежели стремление к мировому правительству, зато более осуществимо*» (*Brzezinski Z. Op. cit. P. 296, 308.*).

¹⁵ *Brzezinski Z. Op. cit. P. 304.*

¹⁶ В 1966 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) инициировала силами одного из будущих отцов-основателей Римского клуба Эриха Янча исследование «*Перспективы технологического прогнозирования*», в котором была подчеркнута тенденция интеграции прогнозирования и планирования, приводящая к новой области интеллектуальной рефлексии и практической деятельности: «*активному представлению будущего*». Название следующей записки Янча: «*Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем*». Основная идея работы – базовым элементом социальной эволюции является человек, способный формировать свое будущее. Критическое условие процесса – контроль над системной динамикой общества и окружающей средой. Схожие идеи содержатся в «*Проекте-1969*» Аурелио Печчеи, где формулируется необходимость «*нормативного планирования от будущего к настоящему*» для обеспечения контроля над «*некоторыми важными вопросами*» (демографическая ситуация, продовольствие, безопасность). (Подробнее см.: *A. Peccei. The Chasm Ahead. Toronto., 1969.*)

¹⁷ Декларация Римского клуба // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997. – С.310.

¹⁸ К середине 60-х годов происходящий в мире сдвиг ощущается также в России-СССР, хотя полностью так и не осознается (стратегический характер ситуации, необходимость введения новых принципов социального и экономического управления, обновления политики). Однако на первое место в, не исключено, решающем для судеб страны и мира 1967 году выходит на поверхность ведущаяся с 1965 года борьба Леонида Брежнева с группировкой Александра Шелепина, начавшись с планомерного сокращения его полномочий: преобразование Партийно-государственного контроля в Народный контроль, изъятие поста заместителя Председателя Совета министров СССР, передача Орготдела ЦК Капитонову и лишение позиции секретаря ЦК КПСС, наконец, в сентябре 1967 года назначение Шелепина председателем ВЦСПС, правда, при сохранении – впрочем, уже достаточно формального – членства в Политбюро. (А в июне предыдущего, 1966 года при создании союзного МООП был выведен из игры руководитель российского министерства – союзное на тот момент отсутствовало – Вадим Тикунов, в конце концов, сосланный послом в Камерун). Весной 1967 года началась уже системная операция по устранению кадров: в мае, в момент пребывания Шелепина в госпитале, с поста председателя КГБ снимется Владимир Семичасный (замененный Андроповым), в очередной раз ликвидируется многоликий ОМИ ЦК КПСС и сослан (в итоге также в Африку – в Алжир) его руководитель Дм. Шевлягин, еще раньше, в апреле снят с поста гендиректора ТАСС Дм. Горюнов (тоже отправленный послом в Африку – в Танзанию), а затем и председатель АПН Борис Бурков. Наконец, непосредственно в июне развернулась интрига с Николаем Егорычевым,

руководителем Московской партийной организации, закончившаяся его смещением с этого поста. (Дольше всех держался руководитель Гостелерадио Николай Месяцев, но и он был снят в апреле 1970 года.) А после начала официальных и планомерных переговоров по стратегическим вопросам с Западом, ввода войск стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию (и провозглашения, таким образом, «доктрины Брежнева») в историческом 1968 году процесс внутренних реформ в СССР окончательно ставится «на реверс», а консенсус достигается в русле политики детанта.

¹⁹ В качестве примера приведу заявление Ричарда Никсона на юбилейной сессии НАТО в 1969 году о наличии трех измерений НАТО: политического, военного и социального. Причем в социальное измерение была включена и экологическая проблематика (точнее проблемы, связанные с окружающей средой). В том же году появляется *Комитет НАТО по проблемам современного общества*.

²⁰ В конце концов, идеология сбалансированного или самоподдерживающегося развития находит свое развернутое определение («*такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности*») в знаменитом докладе «*Наше общее будущее*» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (1984-1987) под председательством Гру Харлем Брундтланд. А сама тема достигает своего пика в момент проведения «Рио-92» - Всемирного экологического саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Попытка реализовать нечто аналогичное десять лет спустя в 2002 году в Южной Африке окончилась, фактически, неудачей.

²¹ «*Слаборазвитые страны, третий мир вступили в новую фазу... Наконец-то этот третий мир – игнорируемый, эксплуатируемый и презираемый, подобно третьему сословию теперь также захотел обрести собственную судьбу*». A. Sauvy // L'Observateur. – Paris, 14 aout., 1952.

²² Кстати говоря, геоэкономическая парадигма, переводя хозяйственную деятельность планеты с рельс «шумпетерианского локомотива» в режим часовой механики «планетарной дани» – в виде диверсифицированного механизма возгонки квази-рентных платежей и упрочения «вассальных» отношений – тем самым демонстрирует девальвацию культурного кода *христианской – европейской – североатлантической – глобальной* цивилизации, предоставляя стратегическое преимущество восточной метафизике и ее деятельным протагонистам: Китаю, Японии, Юго-Восточным и прочим «драконам и тиграм». Другими словами, в условиях остановки радикального инновационного прогресса Азиатский центр обретает столь необходимую ему устойчивость, чувство горизонта (а не уплывающей в бесконечность «дальней границы» истории) и – соответствующий новой экономической/политической ситуации вес.

²³ Тетраматрица знания описывает четыре его состояния: (а) рациональное и отчуждаемое от создателя (формальное, дисциплинарное знание); (б) рациональное и неотчуждаемое (мастерство как персональное искусство); (в) нерациональное и отчуждаемое (объекты художественного творчества); (г) нерациональное и неотчуждаемое (манифестацией которого является субъект сам по себе).

²⁴ Библиографию зарубежных работ по данной проблематике, опубликованных в конце века, см. в статьях автора «*Осмысление Нового мира*» («Восток», 2000, №4) и «*A la carte*» («Полис», 2001, №4). Теме социокультурных революций и глобальной трансформации посвящена трилогия автора, публиковавшаяся в журнале «Новый мир»: «*Эпизод истории, или Пакс Экономикана*» (1999, №9), «*Глобальный город: творение и разрушение*» (2001, №3), «*Трансформация истории*» (2002, №9).

²⁵ «*...несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и*

равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября – удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным грузовым поездом тем, кто не хочет на него попасть» (Fukuyama F. Has History Started Again? // Policy (Winter), The Center for Independent Studies, St. Leonards, 2002).

²⁶ Подробнее о цивилизационной и культурной трансформации см.: *Неклесса А.И.* Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. – М.: Восточная литература, 2002.

²⁷ *Булгаков С.Н.* Соч. Т.2. М., 1993. – С.259.

²⁸ Примером действий такого рода, воспринимаемым пока как курьез, является, в частности, принятие в начале 2001 г. одним из американских судов (если не ошибаюсь, судом штата Алабама) решения, запрещающего ОПЕК производить манипуляции с ценами на нефть.

²⁹ Подробнее о проблеме стратегического планирования см.: *Неклесса А.И.* Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.

³⁰ Коллизии могут разрешаться двумя способами, охранительным и преадаптивным: (а) более или менее жестким контролем над развитием событий, с целью добиться кратковременного или долговременного упрощения ситуации – и даже ее консервативной или радикальной архаизации, пытаясь при этом создать некую, как сказали бы сейчас – «виртуальную» деятельную альтернативу, чтобы снять комплексную проблему, а заодно и ее предпосылки; (б) за счет резкого повышения уровня управления, что позволяет соотноситься на равных с нарастающим усложнением ситуации, одновременно используя потенциал кризиса как непростой ресурс развития самоорганизующейся системы. Очевидно, что и первый, и второй способ являются формами кризисного управления. Причем на практике рождаются управленческие формулы, в той или иной пропорции совмещающие оба алгоритма действия.

³¹ *«Национальная стратегия безопасности»*, подписанная Джорджем Бушем-младшим 21 сентября 2002 г.

³² Это уже несколько иная версия глобализации, отходящая от недавних прописей. США, несколько парадоксальным на первый взгляд образом, начинают выступать с позиций своего рода *«глобального неоизоляционизма»*, выводя себя за пределы общего круга глобализации («коллективные действия», «международные организации», «движение людей», «Киотский протокол», «создание международных судебных органов» и т.п.). В этом смысле можно даже говорить о своеобразном, даже парадоксальном *«глобалистском антиглобализме»* США.

³³ *«...война не закончится до тех пор, пока не будут обнаружены, схвачены и обезврежены все до единой террористические группировки на земле» («Обращение к нации» Дж. Буша-младшего 20.11.2001).*

³⁴ Симптоматично, что время от времени поднимается вопрос о членстве страны в G-7/G-8 (финансовая и политическая ипостаси клуба) и даже о членстве в Совете Безопасности.

³⁵ *Карло Ж., Савона. П.* Геоэкономика. – М.: Ad Marginem, 1997. – С.42.

³⁶ *«Глобализация драматически меняет природу власти. Демократически избранные правительства и их делегаты в международных организациях все более теряют власть, уступая влиянию международных бюрократий, транснациональных корпораций, собственников средств массовой информации и магнатов «глобального» финансового капитала»* (Послание правительствам и общественности участников консультации *«Глобализация в Центральной и Восточной Европе: ответ на экологические, экономические и социальные последствия»*, Будапешт, 28 июня, 2001 г. Цит. по: Независимая газета. 3.07.2001.)

³⁷ Деструктивная паразэкономика подчиняется иным, нежели легальная экономика, законам, фактически производя ущерб, то есть своего рода *отрицательную*

потребительскую стоимость. Распечатываются и интенсивно эксплуатируются в глобальном масштабе, с применением современных технических средств запретные виды практики: производство и распространение наркотиков, крупномасштабные хищения, рэкет, контрабанда, коррупция, казнокрадство, компьютерные аферы, торговля людьми, «дешевое» захоронение токсичных отходов, отмывание грязных и производство фальшивых денег, коммерческий терроризм и т.п. Для данного класса операций, включая и такой подвид как «трофейная экономика» (расхищение ранее созданного цивилизацией потенциала), обосновано введение категории «отрицательной стоимости», соответствующей *производству вреда*, в том числе причинение ущерба окружающей среде, техносфере и людям.

³⁸ Здесь я бы сослался на свою тетралогию, опубликованную в журнале «Знамя»: «*Контуры Нового мира и Россия (геоэкономический этюд)*» (1995, №11), «*Конец цивилизации, или Зигзаг истории*» (1998, №1), «*Конец эпохи Большого Модерна*» (2000, №1), «*Мир Игры, или четыре монолога о сценографии после современности*» (2004, №11).

³⁹ Foreign Affairs. January-February 2000.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Коммерсант. 5.5.2000.

⁴² Отчет о Бишкекской встрече, на которой в феврале 2001 г. обсуждалась тема «*Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности*», см. в журнале «Восток» (Oriens), 2001, №5.

⁴³ Ср. «*устрашение как угроза массированного удара возмездия по странам-агрессорам пустой звук для тайных террористических группировок, не имеющих ни страны, ни граждан, которых следует защищать*» (из речи Дж. Буша-младшего перед выпускниками военной академии Вест-Пойнта 1 июня 2002 г.).

⁴⁴ Кстати говоря, в настоящее время целенаправленная агрессия против национального информационного пространства признается в США как вполне законный *casus belli*.

⁴⁵ Подробнее см.: *Неклесса А.И. Ordo Quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития – М.: Экономика, 2001; он же. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования – М.: Логос, 2002.*

⁴⁶ Процесс, фактически, инициированный речью президента Линдона Джонсона 7 октября 1966 года.

⁴⁷ Хотя сам термин «*новый мировой порядок*» имеет долгую историю (и употреблялся, к примеру, в политическом залоге президентом Вудро Вильсоном в начале прошлого века, а его модификация запечатлена на большой печати США), в качестве современной инициативы идея была обозначена в политическом лексиконе Михаилом Горбачевым в июне 1990 года. Выступая в Вашингтоне и Стэнфорде, президент СССР неоднократно упоминал об «*идее вселенского единства*», о «*приближении к новому миру*», «*строительстве здания новой цивилизации*», формировании «*нового мирового порядка*» («*Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы*», с.48-49, 70, 131, 135. См. также: *M. Gorbachev. «Perestroika and the New World Order: Selected speeches*». Moscow, 1991). Термин приобрел современное звучание после подписания Парижских соглашений в конце 1990 г., а также после того, как президент Джордж Буш-старший воспользовался им в контексте первой иракской кампании. Концепт сохраняет амбивалентность, позволяющую вкладывать в него достаточно разный смысл. Его внутреннее содержание, с одной стороны, тесно связано с постулатами неолиберализма («*глобальный свободный рынок*») и мондиализма («*глобальное управление*»), с другой – частично восходит к весьма отличной по духу концепции «*новый международный экономический порядок*», активно разрабатываемой

в 70-е годы странами «третьего мира», а также к идее универсального мира (в библейской эсхатологии намеченная у пророков Исаии 2, 2-4 и Михея, 4, 1-3).

⁴⁸ Ср.: «прошлое по-аккадски – *ит рапi* (дословно “дни лица/переда”); будущее – *ahratu* (образовано от корня “hr” со значением “быть позади”) ... слово *adanni*, которое иногда... переводят как “время”, означает “срок”, и в смысле какого-то периода времени, и в смысле момента в конце определенного периода» (Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. М., 1983. – С.29, 15).

⁴⁹ Так, к примеру, «в 2006 году частные инвестиционные фонды потратили на скупку активов по всему миру 400 млрд. долларов. В их органы правления входят экс-президенты и бывшие главы крупнейших корпораций. За счет собственных средств они скупают активы стоимостью десятки миллиардов долларов» («Взгляд», 26.02.2007).